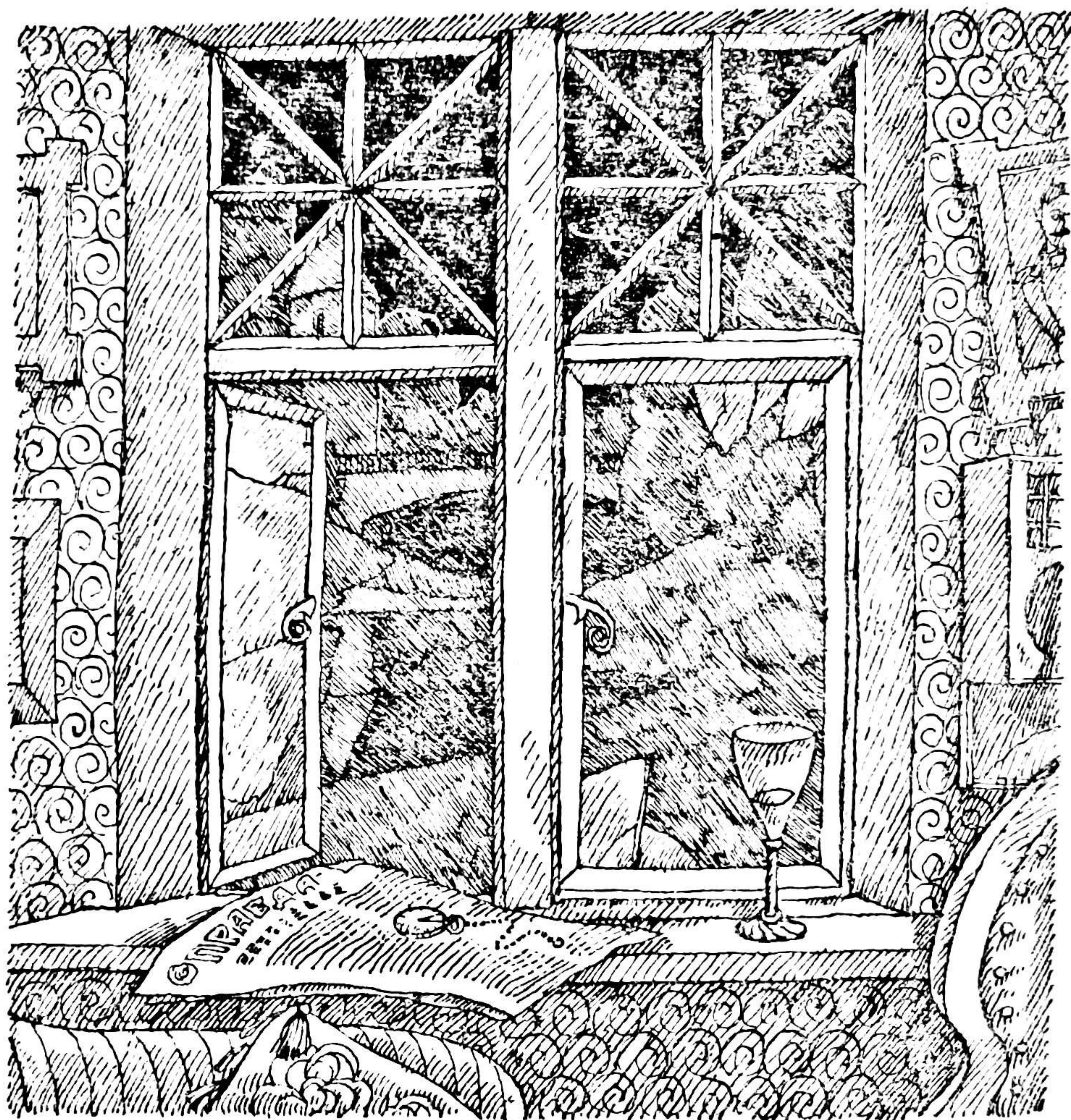

ДВЕНАДЦАТЫЙ ЧАС

Трагикомедия
в двух актах

Действующие лица

Дор Николай Альбертович
владелец кондитерской фабрики и многих кондитерских,
55 лет.

Анна
его дочь, 26 лет.

Иван Улыбышев
ее муж, вузовец, 23 лет.

Свидерский Леонид Казимирович
компаньон Дора, 35 лет.

Янина
его сестра, 32 лет.

Каретников Кирилл Алексеевич
поэт, 42 лет.

Петровых Орест Леонтьевич
инженер, 48 лет.

Безенчук Ромка
инженер-строитель из только что окончивших, 24 лет.

Катенька
домработница у Дора, 18 лет.

Серезжа
ее брат, 16 лет.

Иветта Михайловна
примадонна ленинградской оперетты, 40 лет.

Нолик
ее администратор, 55 лет.

Рябов
служащий Дора, 60 лет.

Гости.

Действие происходит в Павловске, под Ленинградом, 13 июня 1928 года между восемью часами вечера и часом ночи.

Акт первый

Павловск — дачная местность под Ленинградом. Очень хорошо отделанная летняя дача. На клумбах высажены ранние цветы, дорожки аккуратно посыпаны красным песком. Светлый летний ленинградский вечер.

Под деревьями, в шезлонге, расположились две женщины. Одна из них, Анна Николаевна, очень красивая, темноволосая, с несколько бледным лицом, на которое ложится доходящая до бровей прямая челка. Ее подруга, Янина, немного старше хозяйки, одета она пестро, во все клетчатое, подстрижена коротко, согласно моде двадцатых годов нашего столетия. На ступенях террасы, с бутылкой коньяка в руках, стоит Кирилл Каретников, высокого роста, лохматый мужчина в синем потертом пиджаке, который украшает, однако, ярко-красный галстук.

Анна (читает).

Зажгут старинные торшеры,
И ты пройдешь, тоскуя, в зал,
Где так недавно у портьеры
Тебя любимый целовал.
И над прочитанной страницей
Ты замолчишь на много лет.
И будет пахнуть плащаницей
Твой бледно-розовый букет.
(Помолчав.) Слабо, конечно...

Янина. Плохо или хорошо — не все ли равно, Анна? Все пустяки!

Анна. Смешно... Когда я писала, мне нравилось.

Каретников. Дрянь. Все краденое — и образы и рифмы. При чем тут плащаница, и кто такие торшеры? Изъяснитесь. Ихнюю биографию... Кто такие? Что делали до семнадцатого года?

А н н а. Ты совершенно, пьян, Кирилл.

К а р е т н и к о в (утвердительно). Хвала аллаху. (Уходит в дом.)

А н н а (помолчав). Трудно тебе с ним?

Я н и н а. Пустяки, милая. Он мало пишет и много пьет. Плачет по ночам, а утром паясничает. (Закурила папироску.) Он, как и все мы, не знает, о чем писать. Вокруг страшная Россия. Какие-то морды... Он пробует отшутиться и не может.

Пауза.

А н н а. А печально стало в нашем Павловске. Пустынно и печально. Помню, в двадцать шестом году, всего два лета назад, на дачах было многолюдно, всюду веселились... Теперь не то.

Я н и н а. Черт с ним! Вероятно, все идет к концу, душка.

К а р е т н и к о в (снова возникая). Странноватый день рождения. В доме ни души, только муж-студент сидит на антресолях и что-то вычисляет. По комнатам бродят два кота. Зловещая тишина. Гофман. (Пауза.) А ну-ка, почему-ка Свидерского нет? Ему бы надлежало быть. Ась? (Вздохнув.) В сущности, твой брат — мошенник, Яня. (Мечтательно.) Когда-нибудь его расстреляет ГПУ. Пардон, я, кажется, обидел новорожденную.

В калитку входит Свидерский Леонид Казимирович, смуглый, безмерно красивый мужчина южного типа. У него мягкие кошачьи движения, певучий голос, иногда букву «е» выговаривает как «э».

Легок на помине! Только что поражался, почему до сей поры вас не расстреляло ГПУ.

С в и д е р с к и й (Янине). Подшила бы ему рукава на пиджаке. Бахрома висит. (Целует руку Анне.) Разрешите, гражданка, преподнести торт... от Дора. (Тихонько смеется.)

А н н а. Не весело.

С в и д е р с к и й. В торт всажен сюрприз. Ищите и обряцете.

К а р е т н и к о в (показывает на Свидерского). Он мне мерзок. Уйду-ка я от него подальше. (Уходит в дом.)

Свидерский. Нда... Картинки вот пишешь во французской манере... Как они там — Дюфи, Матисс?.. А при себе держишь русского мужика. Непоследовательно, сестричка.

Янина. Он талант.

Свидерский. Ну и черт с ним. Никому он не нужен.

В доме слышится звон разбитой посуды.

Каретников (*появляясь в окне*). Внимание, я разбил графин. (*Весело.*) Он, кажется, из хрусталя.

Свидерский. Идиот.

Каретников. Уложите меня спать. А то будет плохо.

Янина (*усмехнулась*). Он хоть на других не похож. (*Уходит в дом.*)

Анна (*помолчав*). Где папа?

Свидерский. Сегодня решается судьба фабрики. Он хотел приехать раньше, но...

Анна. Понимаю.

Свидерский. Трудные времена, милый друг. Мой компаньон, ваш родитель, величайший коммерческий ум, но перед «товарищами» все пасует! Усилено налоговое обложение, и нам, частникам, достать сырье почти невозможно.

Анна. Какая глупость.

Свидерский. Именно что?

Анна. Все.

Свидерский. Ваш муж плохо развлекает вас, вы в постоянной мерехлюндии. (*Оглядывается, увидя, что никто не следит за ними, вплотную подходит к Анне.*) Почему ты не пришла вчера?.. Я ждал до одиннадцати.

Анна. Надоело.

Свидерский. Положим, врешь. (*Целует ее.*)

Из дома выбегает Катенька. С недоумением и грустью смотрит она на целующихся.

Анна (*оборачивается, увидела Катеньку*). Ты что?

Катенька. Мне скатерть переменить.

Свидерский. Я голоден, однако. Девятый час вечера, а ужинать будем в первом часу...

Анна (задумчиво).

А ужинать мы будем,
Но вскоре позабудем
Зажаренную рыбку
И ейную улыбку...

Свидерский (изумился и смеется). Вот ерундистика...

Катенька снимает со стола скатерть и уносит в дом.

Анна. Вы делаете нас посмешищем всего дома, Свидерский.
Свидерский. От прислуги все равно ничего не скроешь. Подарите ей что-нибудь веселенькое, умница.

С террасы спускается Янина.

Янина. Я уложила Каретникова на твою кушетку. У него удивительная способность, уснув на пятнадцать минут, проснуться совершенно трезвым.

Свидерский. Довожу до всеобщего сведения, что вчера вечером, не дождавшись одной старенькой дамы, я отправился во владимирский клуб, где и продул в рулетку девяносто червонцев три рубля и сорок копеек. На обратного извозчика мне пришлось занимать пятерку у швейцара. (Анне.) Растрогала вас моя новелла? Как с угрызением совести?

Анна пожимает плечами.

Янина. Неужели швейцары продолжают ссужать тебя деньгами, Ленечка?

Свидерский. Никогда — на игру, и всегда — на извозчика.
(Молчание.) Вам известно, что ваш отец приедет не один?

Анна. С ней?

Свидерский. Надо прощать родительские слабости.

Анна. Мне почему-то жалко ее.

Свидерский. Нда... На сцене она всех сводит с ума, но — клянусь! — холодна, как тюлень.

В калитку входит Петровых Орест Леонтьевич. Ему сорок восемь лет, он статен, хорош собой. На нем белый костюм, в руках теннисная ракетка в чехле.

Петровых. Прошу принять поздравления, Анна Николаевна. *(Целует ей руку, оборачивается к остальным и несколько небрежно говорит.)* Добрый вечер. *(Снова Анне.)* Я прямо с тенниса и не успел переодеться, вы уж простите меня по-соседски. Завтра в Павловском курзале открытие, танцует Люком... Вы, конечно, будете?

Анна. Вы удивительно похожи на Феликса Юсупова, Орест Леонтьевич. Помните портрет Серова?

Петровых *(чуть улыбнувшись)*. Я помню самого Юсупова — он отлично играл в теннис. Да, это был породистый господин. Ну-с, а у меня отец — дворняжка... Правда, мать была из хорошей семьи, дочь генерал-губернатора и прочее... Но она, так сказать, ушла в народ — тогда это было весьма модно. Словом, родители мои сеяли разумное, доброе, вечное...

Янина. Ну а вы?

Петровых *(смеется)*. Ну а мы предпочитаем балет! *(Помолчав.)* Николай Альбертович дома?

Свидерский. Не сыграть ли нам партийку в бильярд в ожидании трапезы?

Петровых. С превеликим наслаждением, но...

Анна. Ступайте, Орест Леонтьевич, и да будет чиста ваша совесть, дамы с удовольствием посплетничают в одиночестве.

Петровых шутливо кланяется и идет в дом. Навстречу ему выбегает Катенька с новой скатертью в руках, на ступеньках террасы они сталкиваются друг с другом.

Петровых. Вы когда-нибудь меня уроните, моя прелесть. *(Уходит в дом, сопровождаемый Свидерским.)*

Анна. Умерьте свою прыть, Катенька.

К а т е н ь к а. Не везет мне с ними. Они всегда прямо как из земли вырастут. Такие солидные, интересные, а ходят неосторожно. *(Постилает новую скатерть.)*

Я н и н а. Он занятный, твой инженер.

А н н а. Холодноват и высокомерен, бедняжка. Папа считает его весьма сведущим в деле — он ведь шишка там где-то. Папа полагает, что на таких, как он, и держится наша промышленность.

Я н и н а. Его любят женщины... видимо.

А н н а. Пожалуй. Но... На нем трудно обжечься — он слишком хорошо воспитан. Не то что твой брат.

Я н и н а. Вероятно, ты нашла в Леониде другие достоинства?

А н н а. Не будь грубой, Янина.

Я н и н а. Надеюсь, ты отличаешь его не за добрую душу. *(Засмеялась.)* И потом, Иван у тебя такой милый...

А н н а. Положим, Иван тут ни при чем — нынче Таня Ларина в переростках... Стишок «Но я другому отдана и буду век ему верна» трогал сердца в девятнадцатом веке... Увы, он был слишком весел и розовощек — этот лицеист. *(Заметила внимательно слушающую ее Катеньку.)* Ну-с, об чем задумалась, Катя-Катерина?

К а т е н ь к а. Я так... *(Идет на террасу, останавливается.)* А вот верно, Анна Николаевна, что Пушкин Евгения Онегина с себя писал?

А н н а. Пушкин выдумал Онегина из головы, Катенька, он был фантазер. А теперь ступайте на кухню.

К а т е н ь к а. Смотри пожалуйста... *(Уходит в недоумении.)*

А н н а. Тоже книжки читает, глупенькая, свет жжет по ночам... *(Помолчав.)* Ты серьезно считаешь Ивана милым, Янина?

Я н и н а. Тебя это удивляет?

А н н а. Нет, но... Он слишком добрый и честный, так же как Леонид — слишком негодяй. *(С интересом.)* Вот бы смешать их — получилось бы нечто забавное.

Я н и н а. Но ты этим и занимаешься... В каком-то смысле.

А н н а. А ты сегодня остра на язычок, чертик. *(Помолчав.)* Бедный Ваня сидит у себя наверху и что-то вычисляет. На

будущей неделе у него последние экзамены, за которыми последуют, вероятно, биржа труда и безработица...

Янина. Он очень любит тебя?

Анна (пожав плечами). Вероятно, если простил папу-кондитера... Он ведь идейный молодой человек, и тесть-нэпман должен причинять ему моральные страдания.

Янина. Ты говоришь о нем так, точно ненавидишь его...

Анна (задумчиво). Может статься, и это... Он пай-мальчик, но есть в нем нечто, что пугает меня. Он добр к людям — это в конце концов сделает его беспощадным. (Помолчав.) Мы познакомились год назад, в Лесном, на студенческой вечеринке. Я читала стихи, и эта глупость, кажется, произвела на него впечатление. Он не знал, кто я, и принял за студентку... Засим я так охотно пошла навстречу его желаниям, что он счел себя обязанным немедленно жениться. Это было настолько трогательно, что сердце мое дрогнуло... (Усмехнулась.) Дрогнуло самым решительным образом... Расписавшись в загсе, он меня повел в нашу фирменную кондитерскую, на Невском, и тут, кушая пирожные от Дора, я открыла ему страшную тайну.

Янина. Эффект, надо полагать, был необыкновенный.

Анна. Узнав, что отныне он является наследником самой знаменитой в Ленинграде кондитерской фирмы, бедняжка чуть не заплакал от отчаяния.

Янина. Но как же он согласился жить на этой даче?

Анна. Не в общежитие же мне было к нему переезжать!.. А снять комнату на свою стипендию он не может. Я прекрасно понимаю, как это безвкусно — быть дочерью лишенца, но меня не интересуют люди, человеки. Я люблю хорошие стихи, музыку, живопись — словом, все, что враждебно людям. Особенно моему отцу и силам, которые хотят его ликвидировать. И если я предпочитаю отца, то только потому, что его деньги помогают мне печатать мои слабые стишки.

Янина. Ну, а Иван... Зачем он тебе?

Анна (помолчав). Янька...

Янина. Ну?

Анна. А ты согласишься, если я скажу, что люблю его?

Янина (подумав.) Нет.

Анна (очень неопределенно). Ты умница.

Появляется Иван Улыбышев. Ему двадцать три года, одет он весьма небрежно, застенчив и как-то по-детски хитер, но, если рассердится, — упряма не на шутку. Иван сходит с террасы в сад, в руках у него новая рубашка.

Иван. Слушай, они там так стучат шарами — очень трудно сосредоточиться. И потом они распугали котов, после этого коты пришли ко мне и сели, понимаешь, со мной рядом. Поэтому я решил кончить работу.

Анна (показывая на Янину). Поздоровайся все-таки.

Иван. Здравствуйте, Янина Казимировна. А вы забавную картину написали, мне Анюта показывала... Правда, затруднительно угадать, что на ней изображено, но очень интересно, понимаете, по краскам. Смелая вещь, так сказать.

Анна. Зачем ты принес сюда рубаху, Иван?

Иван. Да. Я из-за рубахи, по существу, и спустился вниз. Пришла, понимаешь, Катерина и говорит, что ты велела мне надеть эту рубаху. Но эта рубаха не моя, и я хочу с тобой выяснить, в чем дело.

Анна. Ваня, ты бестолковый человек. Эта рубашка... Ну, это мой тебе подарок, понимаешь?

Иван. Подарок? Ага. Так. (Идет на террасу, останавливается и снова спускается в сад.) Нет, это не годится. Слушай, сегодня день твоего рождения, а не моего, и, следовательно, это я должен был подарить тебе рубаху... то есть не именно рубаху, а вообще нечто. Я и подарил тебе этот... (Посмотрел на Янину.) Ну, ты знаешь что, в общем. А ты постоянно пользуешься разными предложениями и даришь мне всякое барахло... Это, знаешь, не дело.

Янина (смеется). Ванечка, вы чудный...

Иван. Ну и что же? А откуда у нее деньги, чтобы мне дарить вот такие, понимаешь, шелковые рубашки...

А н н а. Но я получила за книгу, Ваня.

И в а н. Это что — «издание автора», эта? Скажи лучше, сколько своих приплатила. *(Рассердился.)* Что ты меня, понимаешь, обманываешь? Ты моя жена и, следовательно, главный друг в моей жизни, а ты мне неправду говоришь! Я тут живу с тобой на этой даче потому, что я тебя люблю и, следовательно, уважаю, но чужие деньги ты мне косвенным образом не подсовывай. *(Подходит к ней и весело ее целует.)* Я тебя люблю, но давай не валять дурака.

Я н и н а. Бедный Ваня.

И в а н *(подмигнув)*. Какой же я бедный, если эта женщина без меня жить не может.

Некоторое молчание.

Что это у вас за пауза?

Я н и н а. Знаете, Ванечка, в вас есть что-то христианское... эпохи Римской империи.

И в а н. Ух ты! *(Анне.)* Слыхала? *(Помолчав.)* А что это значит?

А н н а. Янина Казимировна, видимо, предполагает, что в конце концов тебя отдадут на съедение хищным зверям.

И в а н. Не дамся, дудки! *(Подумав.)* И потом, у кого рука поднимется — я сирота.

А н н а *(улыбаясь, Янине)*. Ну, разве тебе не хочется его поцеловать?

Я н и н а. Черт вас разберет!

И в а н *(целует Анну)*. А у тебя на кушетке этот ваш Каретников уснул... *(Янине.)* А это правда, что он на Невском возле бара целый час на фонаре, понимаешь, сидел и его оттуда никак снять не могли? Вот хулиган, а? Зато у него стихи смешные.

«Ночь. Луна. Двадцатый век.

Но страдает человек».

Это здорово.

К а р е т н и к о в *(выходя из дома)*. Печальные стихи. Чего никто не понимает.

И в а н. Проснулись?

Каретников. Пробудился. (Показывает на пустую бутылку.)
Могу начинать сначала. (Янине.) Знаешь, кого я видел во
сне? Зависть. Это была худющая бабенка с рыжими во-
лосами. Кожа и кости. Она обняла меня за горло и мучи-
ла. Зависть... Знаешь ты такую тетку, Улыбышев?

Иван. Вы завидуете?

Каретников. Глубоко.

Иван. Кому?

Каретников (задумчиво). Одному... басу.

Иван. Кому-кому?

Каретников. Есть у нас в поэзии один такой голос. Бас. Поет
на зависть.

Янина. Глупо.

Каретников. Я лучше? (С нежностью.) Эх, дура.

Петровых (Свидерскому, который вслед за ним выходит из
дома). Техника вне идеологии. Это как балет или теннис,
сюда не подмешаешь политику. Паровой котел во всех
случаях останется паровым котлом. Коммунистический
паровой котел — нонсенс.

Свидерский. Вы полагаете?

Иван. Это неправда. Здравствуйте, Орест Леонтьевич, вы го-
ворите бездоказательно. И при чем тут теннис? Вы этого
вопроса не продумали, вот что.

Каретников. А в вашем муже, Анюта, есть нечто щенячье.

Иван (вспыхнув). Что?

Каретников. Не сердись, Улыбышев. Я, может быть, тебя
люблю.

Иван (ворчливо). Ну это, понимаешь...

Каретников. Быть щенком... Пойми, что может быть пре-
краснее!

Иван. Вы это серьезно?

Каретников (задумчиво). Вполне.

Иван. Хм...

Слышен шум подошедшей машины.

Анна. Папа приехал!..

Каретников (смотрит за калитку). И она явилась...

В калитку входит Дор Николай Альбертович, ему пятьдесят пять лет, он коренастый, плотный, с красным лицом, тяжело дышит. На нем серый щегольской костюм, в руках портфель и свертки. Ему сопутствует Иветта Михайловна, примадонна ленинградской оперетты, женщина лет сорока, не употребляющая косметики, сосредоточенная, бледная и деловитая. За ними поспевают администратор театра Нолик, старый, маленький человек в пенсне.

Свидерский (галантно). Какой сюрприз... Приветствую, кумир ленинградской публики!

Иветта Михайловна. Бросьте, Леня... Устала как собака. (Увидела Каретникова.) И этот здесь?

Дор (вышедший из дома Катеньке). Вещи положите в мою комнату. Накормите шофера получше. Водки ему дайте.

Катенька. Мы знаем. Как обычно. (Уходит с вещами в дом.)

Дор (целует Анну). Прости, что опоздал, но у меня дела. Вот тебе часики. Они золотые, старинной работы. Антикварная вещь.

Анна. Спасибо...

Дор (улыбаясь, смотрит на нее). Какая ты у меня взрослая, Аннет. Сказать им, сколько тебе лет?

Анна. Ты опять пил? Зачем? Тебе это вредно...

Дор. Мне жить вредно, моя милая.

Каретников (Иветте Михайловне). Это я.

Иветта Михайловна. Вижу. (Целует Анну.) Отца я задержала — ты на него не сердись... Надо было проверить сбор в театре — муж у меня за решетку посажен, так что приходится все самой... (Передает ей коробочку.) Тут тебе камешек — не дорог, но красив... Да! Я забыла вас познать — Нолик, мой администратор.

Каретников (всплескивая руками). Какая прелесть — Нолик!

Нолик молча всем кланяется.

Петровых. В прошлую субботу смотрел вас в «Баядере»,
Иветта Михайловна.

Иветта Михайловна. В субботу? (Вспомнив.) Был хороший сбор.

Петровых. Вы очаровываете по-прежнему.

Иветта Михайловна. Черта с два. В тот вечер у меня смертельно болел зуб... Пломба выскочила. (Взглянула на часы.) Да! (Нолику.) Принесите мне воды...

Нолик поспешает в дом.

Свидерский (подходит к Дору). Ну-с, а как наши дела?

Дор. Заседание еще не кончилось. Ходить по коридорам было неудобно, и я оставил там Рябова, он позвонит на дачу, как только будет решение.

Петровых. Сильно прижимают, Николай Альбертович?

Дор. Весьма. По счастью, мы, кондитеры, не на линии боя — нас щадят пока что. А вот текстильщики, колбасники и прочая — им конец. Словом, нетрудно предугадать и наш финал с Леонидом Казимировичем.

Иветта Михайловна. Мой тоже нетрудно. Отправлюсь к супругу в гости. (Принимает порошки, запивая их водой, которую принес Нолик.) А здесь будет представлена оперетта из жизни профсоюзов. (Нолику.) Позвоните в кассу и еще раз уточните сбор.

Нолик удаляется.

Петровых. Да, «товарищи» поворачивают круто... (Смеется.) Но ведь вы хитрый — из любого положения выход найдете.

Дор. Стараюсь... Но, как говорится, плетью обуха не перешибешь.

Свидерский (зло). Нда... Любите русские пословицы...

Дор (резко). А я и есть русский. Мой отец был бельгийским подданным, и я родился и воспитывался здесь, в Петербурге. (Смягчаясь.) Правда, до войны ездил как-то в Бельгию, но ни малейших родственных чувств при том не испытал. Границы мешают торговать. Придет время — умные люди поймут это.

Петровых (смеется). Оказывается, вы опаснейший космополит, Николай Альбертович.

Дор. О да... (Улыбается.) Как Анахарсис Клоустс.

Каретников. Вашему Анахарсису, кстати, голову отрубили. (Подходит к Дору.) Пошли к заветному буфетику, кондитер, выпьем за ваше светлое будущее.

Пауза.

Дор (Анне, негромко). Э джестр от ту ноу хис плейс.

Свидерский. Слишком много шума, Кирилл Алексеевич.

Дор. Не надо сердиться, Свидерский. Как и я, этот господин в скором времени подлежит ликвидации. Пройдемте в дом, Иветта.

Иветта Михайловна. У меня затекли ноги — их надо опустить в горячую воду.

Свидерский (берет ее под руку). Я хотел уточнить с вами один вопрос, дорогая.

Иветта Михайловна. Ну, что еще?

Свидерский. Частица черта в нас заключена подчас?

Иветта Михайловна. Убирайтесь — вы дурак, Леонид. (Уходит в дом в сопровождении Дора.)

Иван (все время держался в стороне). Любопытная особа.

Свидерский. Нда. Полна предприимчивости.

Петровых. Великолепная была женщина.

Свидерский. Она и сейчас... если захочет.

Иван. А мужа ее за что посадили?

Свидерский. С бриллиантами манипулировал... неосторожно. Теперь она в театре за него... Хозяином.

Каретников (Янине, тихо). Что он сказал по-английски? (Помолчав.) Ну?

Янина (не сразу). Шут должен знать свое место.

Петровых (подходит к Анне). Прошу прощения, Анна Николаевна, но я должен переодеться к вечеру. (Уходит, поклонившись.)

Каретников. Шут... (Подумав.) Шут — это любопытно. (Свидерскому.) Не правда ли, жен-премьер?

Свидерский. Нахал вы все-таки.

Каретников. Чем богаты.

Из дома выходит Катенька.

Катенька. Кухарка спрашивает, когда ужин подавать будем?

Анна. После одиннадцати, пусть не торопится. *(Улыбышеву.)*
Куда ты дел рубаху, Иван?

Иван. Я ее, понимаешь, под скамейку засунул; неудобно, актриса все-таки...

Анна. Эх ты, хитренький...

Каретников. Пойдем в дом, Янечка, присоединимся к хозяевам,— глядишь, и откроют бутылочку из заветных. *(Зло.)* Шутам иногда отпускают с барского стола. *(Уходит в дом с Яниной.)*

Свидерский. А у него, оказывается, амбиция, у вашего поэтического наставника... Экая сволота — его в порядочный дом пускают, а он, изволите видеть, обиделся.

Анна *(спокойно)*. Вы красивый, но глупый мужчина, Леонид Казимирович. Вот по этим двум причинам вы и нравитесь женщинам. Вторая причина особо привлекательна. *(Уходит в дом.)*

Улыбышев смеется. Свидерский пожимает плечами и уходит в глубь сада. Солнце почти зашло. Золотистые тона постепенно сменяет кровавый закат.

Катенька *(осторожно подходит к сидящему на скамейке Улыбышеву)*. А ведь страшно, правда?

Иван *(оглянулся)*. Что... страшно?

Катенька. Да вот как люди живут. Обманывают друг дружку, притворяются... хуже зверей.

Иван *(не сразу)*. Да уж, понимаете.

Катенька. Что же вы рубашку-то так измяли? Давайте, я выглажу.

Иван *(рассердился)*. Да что вы все с этой рубашкой... пропади она пропадом! Говорили, тишича здесь, в этом Павлов-

ске, сосредоточиться можно... А тут бильярд, коты, муть какая-то. (Помолчав.) Катерина!

К а т е н ь к а. Ай?..

И в а н. Вы друг мне?

Катенька молча кивает.

И вы что же, жалеете Улыбышева?

К а т е н ь к а (подумав). Родителей у вас нет.

И в а н. Ишь ты, как вы дипломатично... (Помолчав.) А у вас родители живы?

К а т е н ь к а. Мать померла, а отец в деревне находится, возле города Гдова... А потом еще братик есть шестнадцати лет. На мельнице он работает. (С гордостью.) Самостоятельный. Я ему про все в письмах пишу. (Пробуя развлечь его.) Как с зачетами у вас... успешно, Иван Андреевич?

И в а н (оживился). Сдаю помаленьку! Через две недели — инженер-машиностроитель! И юность, понимаете, уходит безвозвратно. Профессор советует проникнуться уважением к самому себе, уверяет, что это необходимо... А как тут проникнешься, когда... (Оглядываются, горестно машет рукой.)

К а т е н ь к а. А вы почаще думайте, какой вы счастливый — сколько знаете! (Обеспокоенно.) Вот только работу-то вам предоставят или тоже... на биржу труда?

И в а н. Не знаю... На бирже много безработных, но... Не знаю.

К а т е н ь к а. Я вот тоже, как из деревни приехала, на завод думала наняться. Фигушки! На бирже вон безработных сколько, а я и квалификации никакой не имею. (Доверительно.) Только в народе такой слух есть, что скоро конец безработице, ей-богу! В булочной вчера разговор шел, будто указ дают множество заводов строить. А один дяденька, ситный с изюмом он покупал, так тот прямо и высказался: кончилась, говорит, передышка, приступаем ко всеобщему строительству! А может врут?

Пауза.

Иван (улыбнулся). Похоже, не врут, Катерина.

Катенька. А вот если вас в другой город пошлют, вы что же, один отправитесь или Анна Николаевна с вами поедет?

Иван (сразу помрачнел). Не знаю... Она ведь привыкла к Ленинграду. Тут, понимаете, всякие издательства и вообще... разные знакомые.

Катенька. Да, она красивая.

Иван (просиял). Правда? Она удивительно красивая и очень, понимаешь, остроумная. (С восторгом.) Иногда такое вонзит, человек сразу тушует... (Засмеялся.) Как она этого Свидерского сейчас уела — вы, говорит, дурак и все такое... Обхохочешься, верно?

Катенька (померкнув). Да.

Иван. Она, Катенька, безусловно, здорово страдает, что у нее отец такой и пошное окружение... Она ведь, понимаешь, поэтесса и, значит, на «ты» со всем этим... прекрасным. Поэт — это... вы представляете, что это такое, Катерина?

Катенька. Ага... Поэт — это самый добрый. И он так людей любит, что даже говорит с ними стихами. Это ведь очень трудно... стихами. Я пробовала. (Горестно.) Нет, не могу.

Иван. Ух ты... Стихи писала?

Катенька (ужасаясь). Писала. (Готова заплакать.) Да не смотрите вы на меня так жалостно!.. Дайте-ка сюда лучше вашу рубашку, я ее выглажу... Это ведь не стихи писать! (Резко поворачивается и наталкивается на входящего в сад, одетого по-вечернему Петровых.)

Петровых. А вы ловко подкарауливаете меня, моя милая.

Катенька (в расстройстве). Да не нарочно я, ей-богу...

Петровых (серьезно, Улыбышеву). Вот — всюду меня подстерегает и пытается подставить ножку. Странноватая картина, не так ли?

Катенька в смущении отходит к столу и как-то по-новому пытается расставить находящиеся на нем предметы.

(Берет под руку Улыбышева.) А вы замучились, вероятно?

Ваш старик Владимир Филаретович мужчина строгий, я ведь тоже у него сдавал.

Иван. Ну да?

Петровых. Дела давно минувших дней. Нравится вам наше ремесло? Увлекательно и красиво, не правда ли? Но не ценят нас хозяева, не ценят... До семнадцатого года не ценили и нынче та же картина. Словом, ничто для нас с вами не изменилось. И только в воздухе снова нечто такое... предгрозовое. (Молчание.) Закат хорош. Будто пожар где-то.

Иван (подумав). Похоже...

Петровых. Да... Того гляди закат материализуется до такой степени, что вокруг нас вспыхнет огонь. Что? Нет? В детстве мне всегда казалось это возможным.

Иван. А вы нынче загадочный мужчина, Орест Леонтьевич.

Петровых. Разве? (С неожиданной доверчивостью.) Просто мне стало почему-то очень грустно... (Оглядываясь.) Милая белая петербургская ночь — такая же, как в юности моей... И снова Россия на распутье. (Усмехнулся.) Впрочем, за последние триста лет это наиболее привычная для нее позиция. Не выпить ли нам по сему случаю чего-нибудь? Я чувствую к вам большую симпатию, Иван Андреевич.

Иван. Хм... Отчего, собственно?

Петровых. Вы женаты на красивой женщине — это трогает и располагает.

Иван. Трогает?

Петровых. Отсутствие опыта всегда трогает. (Не сразу.) Я полагаю, вы ее очень любите... вашу жену?

Иван (скорее серьезно, чем в шутку). Безумно.

Петровых (с интересом). А что вы станете делать, ежели она поступит так, как обычно поступают все женщины?

Иван. То есть?

Петровых. Изменит вам.

Иван. Анята? Это смешно... (Очень искренне.) Зачем?

Петровых. У вас безупречная логика, дружок. Действительно — зачем? (Уводит его в дом.)

Катенька (осталась одна в саду). Все знают, все смеются, а ему и невдомек. Пойду вот и скажу: чего вы терпите, Иван Андреевич, обманывают вас! Нет, не стану... Что мне до их жизни! (Слушает певчую птицу.) Поздний час, а он поет... Чудак тоже. (Помолчав.) Ой, господи, и лет мне всего восемнадцать, а я уж так страдаю... что же дальше-то будет?

В сад через калитку осторожно проникает **Ромка Безенчук**, курчавый, в черных роговых очках, восторженный и суматошливый. На нем выдавшая виды куртка юнгштурма с ремнем через плечо и черные штатские штаны навыпуск довольно потрепанного вида. В руках у Безенчука до предела набитый портфель и большой, перевязанный бечевкой сверток, который он держит с превеликой для себя осторожностью.

Безенчук (веселым шепотом). Катенька, примите привет! Так сказать, из дальних странствий возвратись!.. (Вертится, не зная, куда положить свой багаж.)

Катенька (очень обрадовалась). Роман Яковлевич, приехали?

Безенчук. Тут как тут. Иван дома?

Катенька. Присутствует. У Анны Николаевны день рождения — гости у нас.

Безенчук. Паршиво! Я ведь к нему на часик, не более. Завтра обратно в Москву, а оттуда... Словом, не поминайте лихом!

Катенька. А как же Иван Андреевич... без вас?

Безенчук. А уж это как желает. (Протирает очки.) Дуракам закон не писан. (Надевает очки.) Как вы похорошели, Катенька...

Катенька (улыбнулась). Правда?

Безенчук. Что-то в вас появилось... эдакое. Я вам, кстати, из Москвы подарок привез... Вот — стихи Маяковского. (Вынимает из портфеля книжку и ожесточенно декламирует.)

«Версты улиц взмахами шагов мну.

Куда уйду я, этот ад тая!

Какому небесному Гофману

Выдумалась ты, проклятая?!»

(Помолчав.) Красиво.

К а т е н ь к а. Очень. И непонятно.

Б е з е н ч у к. У Маяковского всегда сначала непонятно. Зато уж потом... (Сжимает кулак и размахивает им, показывая, как хорошо бывает потом.) Ну, а как жизнь у вас... И вообще?

К а т е н ь к а. У кондитера, видать, дела совсем не сладкие. Ходит в предчувствии, серьезный такой, выпивший...

Б е з е н ч у к. Ну, его песенка спета... Полную отставку дают вашей фирме, Катенька!

К а т е н ь к а. Моей фирме? И не совестно вам, Роман Яковлевич?

Б е з е н ч у к. Совестно? Вот еще! А где же ваша классовая сознательность? Это вам совестно должно быть всяких буржуев-эксплуататоров обслуживать.

К а т е н ь к а. Ну вот, опять вы такие слова...

Б е з е н ч у к. А еще говорили, у вас отец партийный... И как он только терпит эту вашу несознательность, понять не могу!

К а т е н ь к а. Вам, городским, легко говорить... Когда мамка у нас померла, мы с братишкой вовсе одни остались... Я, Роман Яковлевич, знаете как отца любила? Очень. А он со мной суровый был, неласковый даже... (Задумчиво.) Вот братишку моего он больше примечал... Нет, я не жалуясь, это понять можно — мальчик ведь. В иной вечер я ему говорю: «Батя, а батя, расскажи что-нибудь — как ты с белыми воевал, что ли». А он отвечает: «Молчи, Катерина, мне об деле думать надо». Ну, подросла я немножечко и вижу — в тягость я ему. Вот и решила на заработки в город ехать, тем более братишку он на мельницу определил... Пришла прощаться, не отпустит, думаю, меня батя от себя, а он нет... «Поезжай, Катерина, тебе, говорит, полезно пролетарской жизни хлебнуть»... Приехала я в Пи-

тер, а тут биржа труда, безработица. *(Всхлипнула.)* Вон дело-то как обернулось...

Безенчук *(неожиданно растерялся)*. Да я разве... Я ведь шу-чу, Катенька... Э, всегда я что-нибудь брякну исключительно глупое! А слезы — это уж зря... стоит ли внимание обращать на такого дурака...

Катенька *(всхлипывая)*. На какого дурака?

Безенчук. Да на меня, естественно... Ну не надо плакать, Катенька... *(Оживляясь.)* А знаете ли вы, уважаемый товарищ, что мы стоим на пороге незабываемых перемен?

Катенька. Ей-богу?

Безенчук. Через год-два и следа безработицы не станет. На-против того, я предвижу нехватку рабочей силы.

Катенька. Вот бы хорошо, а?

Безенчук. Чего ж хорошего. *(Назидательно.)* Нехватка рабочей силы — тоже плохо.

Катенька. Само собой. *(Подумав.)* Ну, а жалованье большое вам положили?

Безенчук. Жалованье? Какое жалованье? Дело идет о переделке одной шестой части мира, а вы — жалованье!..

Катенька. Так ведь есть-пить надо, Роман Яковлевич.

Безенчук *(в запальчивости)*. Зачем? *(Подумав.)* То есть, конечно, нужно, но... это, как говорится, дело не первое. Все-таки вы, Катенька, как-то не с того конца смотрите на факты... *(Сокрушенно.)* Честное слово, это обидно.

Катенька *(вдруг рассердилась.)* А мне на вас иной раз смотреть обидно!..

Безенчук. Позвольте, это почему же?

Катенька. Такой вы, в общем, умный человек, а всегда какой-то растрепанный, неевший... торопитесь куда-то... Иной нэпман живет себе в полном довольствии — и кушает сытно и пешком не ходит, а вы...

Безенчук. Ну и что? А вам известно, как Маяковский по этому поводу высказался? *(Грозит кулаком даче Дора и с необычайным азартом произносит.)*

«Ешь ананасы, рябчиков жуй,
День твой последний приходит, буржуй!..»

Иван (выбегая из дома). Ты что, очумел, Ромка? (Бросается в объятия Безенчука.) Дом, понимаешь, полон гостей, а ты вдруг такую декларацию!.. (Смеется, хлопает Безенчука по спине, тот отвечает тем же и тоже хохочет.) А хорошо, хорошо, что приехал! Я без тебя заскучал знаешь как? Идем в дом — тут нынче некоторое торжество.

Безенчук. Э, нет, в дом не пойду. Мы ведь с твоим тестем не очень друг дружку обожаем...

Иван. Ладно, сиди здесь... Как съездил, рассказывай.

Безенчук. Отлично съездил! Есть решение правительства пустить завод раньше намеченного срока, понял? (Раскрывает сверток и с превеликой осторожностью ставит на стол небольшой макет завода.) Вот, обратите ваше драгоценное внимание — окончательно утвержденный вариант... (Показывает.) Литейная, механические мастерские, главный конвейер...

Катенька. Ой, господи... Красивый-то какой!..

Иван (с интересом разглядывает). Да, понимаешь, сооружение.

Безенчук. Так вот, товарищ Улыбышев... Вот до чего мы дожили, уважаемый Иван Андреевич.

Иван. А ты, однако, совсем ошалел.

Безенчук (обнимает Ивана). «Ешь ананасы, рябчиков жуй...».

Анна (появляется в окне). «День твой последний приходит, буржуй...». Довольно тяжеловесная строка с точки зрения обилия согласных.

Безенчук. Зато смысл, смысл чудесный, Анна Николаевна...
Здравствуйте, кстати...

Анна. Добрый вечер. (Катеньке.) Ступайте на кухню, Катя, вас кухарка дожидается.

Катенька молча уходит.

Я ревную тебя к этой женщине, Иван.

Иван (понял всерьез ее слова). Ну, Анята, ну что ты... Сама посуди — я и она...

Безенчук. Она тебя разыгрывает, болван.

Иван. Правда? (Подумав.) Но с другой стороны... Что же, меня и приревновать нельзя?

Анна. Можно, Ванечка. Но не к ней.

Безенчук (неожиданно обиделся). Лично я был бы здорово счастлив, если бы меня полюбила такая девушка.

Анна. Вот вас, Роман Яковлевич, я и буду к ней ревновать.

Иван. Ловко она тебя... (Смеется.)

Анна. Откуда прибыли к нам, господин марксист? Успели перестроить к лучшему нашу грешную вселенную? Нет еще, вероятно? К ужину не приглашаю — все равно откажетесь. День рождения нэпманской дочки — фи!.. (Неожиданно наклоняется к Безенчуку и гладит его по щеке.) Фи, Ромочка... (Исчезает в окне.)

Безенчук (вздыхнув, смотрит ей вслед). Красивая она у тебя...

Иван (грустно). Да, понимаешь...

Безенчук. Тем не менее перейдем к делу. (Поглядел на часы.) Третьего дня я говорил о тебе с Громовым, он комплектует штаты завода... Я описал ему твои таланты, и он согласился зачислить тебя по окончании института. Словом, я твой отец-благодетель, и, будь любезен, кланяйся мне до земли.

Иван. Да, но видишь ли... У вас покамест строительные работы идут, мне, понимаешь, дела не будет.

Безенчук. Не бойся, сложа руки сидеть не дадут, к монтажу оборудования мы хотим приступить до окончания строительных работ. (Пауза.) Ты чего, собственно, молчишь?

Иван. Я? Я не знаю... А как же Анна?

Безенчук. Ты что, с ума сошел? Я тебе о деле толкую, а ты мне какую-то чепуху...

Иван. Но у нее ведь здесь друзья, издательства, понимаешь, разные... Она не поедет, Роман.

Безенчук. Ну и черт с ней!.. Тем лучше — поедешь один.

Иван. Но пойми ты — я ее люблю. Люблю. Есть, понимаешь,

такое человеческое чувство — любовь. Я, конечно, понимаю, что ты этого не понимаешь, но...

Безенчук. Совсем, дурак, запутался!.. Смотреть на тебя, Иван, противно, вот что! Мы с детства с тобой дружим, а ты вдруг, совершенно неожиданно, в какого-то прихлебателя выродился. Вот к чему тебя беспартийность привела. (С грозным сарказмом.) В экономической зависимости от капиталиста находишься, сукин сын!

Иван. Врешь, я у него ни копейки не беру! Если хочешь знать, я совершенно, понимаешь, независимый... И потом, зачем так упрощать, Роман... Безусловно, Дор — личность враждебная, но с познавательной точки зрения он, понимаешь, очень интересный человек... А Анна добрая, у нее все это наносное...

Безенчук (передразнивая). «Добрая»... «С познавательной точки»... Идеалистическая болтовня, которую слушать тошно!

Иван (вспыхивая). А ты догматик... Догматик ты! Тебе все человеческое чуждо.

Безенчук. Я догматик? Повтори, что ты сказал... Ну, сейчас же повтори.

Иван (опасается повторить, что Безенчук догматик). Любовь... Любовь — это самое святое, самое, понимаешь, прекрасное и доброе чувство... Если любишь, то никто тебе больше не нужен, и весь мир для тебя — в одном человеке... Он для тебя, понимаешь, все... Он только!

Безенчук (с азартом). Частническая психология! (Горестно взмахивая руками.) Успели уже... Заразили тебя эти подлецы! Эх, милый... я бы дня здесь не прожил... Бежал бы моментально и без оглядки!.. Катерину бы еще с собой прихватил — и бежал.

Иван. Вот и прихватывай ее, если хочешь...

Безенчук. Прихватил бы... да времени не хватает! (Вдруг рассердился.) Ты меня, пожалуйста, не отвлекай в сторону своими шуточками. Я тебе не ты!

Иван (засмеялся). Что-что?

Безенчук. Эх, Иван, Иван, всегда ты был какой-то легкомысленный — и в драку лез первый и за девчонками вечно бегал... Но сейчас кончились шуточки. А ты в этот исторический момент затеял какую-то глубоко личную кавасаию, на которую смотреть противно!

Иван. А ты вот стань, стань на мое место — и увидишь, что...

Безенчук. Вот еще! Очень мне нужно вставать на твое место. У меня есть свое.

Иван (не сразу). Когда нужно ехать?

Безенчук. Сдашь экзамены и трогайся...

Иван. Ну что же... поговорю сегодня с Анной... Ух, я и самой раз так себе противен — просто удивительно! Но любовь — это, брат, тоже... Вот погоди, испытаешь на себе.

Безенчук. Ну уж нет. (Сурово.) Это моему пониманию, братец, недоступно.

Из дома выбегает Катенька.

Катенька (запыхавшись). Велели в саду стол накрыть... Они до ужина тут вроде закусывать будут — Николай Альбертович коньяку отборного вынуть приказал!

Безенчук (прислушиваясь к голосам из дома). Да... не хотелось бы с твоим кондитером встречаться...

Иван. Пошли ко мне наверх... Да не сюда — через кухню... (Катеньке, весело.) Как думаете, Катенька, пустит нас Василиса?

Катенька. А чего ей!..

Безенчук. Идем-идем, меня кухарки обожают!

Иван берет Безенчука за руку и, смеясь, уводит за угол дома.

Катенька (смотрит им вслед). Смеется, глупенький... И не знает ничего. Как побежал-то, бедняжка...

На террасе появляются Янина и Петровых. За ними идет Анна.

Янина (продолжая). Выдумали какие-то правила и живут по

ним. А зачем? Нет ничего нелепее правил. По мне всё пустяки... И жизнь и смерть. Всё. Решительно.

Петровых (вежливо). Вы отважная женщина, Янина Казимировна. (Сажает ее в шезлонг и подходит к задумавшейся о чем-то Анне.) Явились, чтобы опять отсутствовать? Где вы?

Анна (улыбнулась). Здесь.

Петровых. Не верю.

Где-то близко заиграл струнный оркестр.

Янина. Началось... Теперь уже до утра — сегодня суббота...

Петровых (Анне). Вас не сердит это ресторанное соседство?

Анна. Отчего же... Я люблю дешевый трагизм.

Петровых (шутливо, но не слишком).

«Я сидел у окна в переполненном зале,

Где-то пели смычки о любви,

Я послал тебе черную розу в бокале

Золотого, как небо, Аи».

Янина. Господи, как старомодно...

Из дома выходят Дор, Иветта Михайловна, Нолик и Свидерский. Нолик в течение всего последующего разговора присутствует и в то же время не присутствует — его ежеминутно обуревают какие-то идеи об улучшении всеобщего благополучия, и он мечется между телефоном и Иветтой Михайловной.

Свидерский (орудует у коньячных бутылок). В наших условиях торговля — это смертный номер. Клянусь, если бы нас с Николаем Альбертовичем пригласили на работу в цирк, мы чувствовали бы себя там наверху, под куполом, как дома. (Дору.) Или нет?

Дор. Не вижу ничего общего.

Свидерский. Пуркуа?

Дор. Мы работаем без сетки.

Иветта Михайловна. Bravo, Коленька.

Петровых (негромко). Где вы, Анна Николаевна?

Анна. Думаю.

Петровых. О чем?

Анна. Не сбежал ли в ту минуту мой муж.

Петровых. Серьезно?

Анна. Вполне.

Янина. Каретников куда-то девался...

Дор. Да. (Смотрит на часы.) И Рябов все еще не звонит.

Свидерский. Иветточка...

Иветта Михайловна. Ну?

Свидерский. Любовь такая — глупость большая?

Иветта Михайловна. Леня, провалитесь. (Принялась за вязанье.)

Катенька разносит коньяк.

Свидерский (выпив, нюхает рюмку и причмокивает языком). Шедевр!

Дор. Отборный — из Эривани.

Петровых. Талантливо сделанная вещь. Вот так и машины следует строить — с душой и талантом. Грешный человек — люблю мастерство и в вине, и в балете, и в машиностроении.

Свидерский. А вот в нашем деле важен ассортимент. Клянусь!.. С точки зрения дикаря с острова Гонолулу, плохих конфет вообще не существует.

Катенька уходит в дом.

Иветта Михайловна (увидя появившегося Нолика). Ну, как окончательно со сбором? Все еще уточняют?

Нолик горестно кивает.

Ладно... Позвоню им попозже сама.

Анна. Вы любите сцену, Иветта Михайловна?

Иветта Михайловна. Любила.

Свидерский (фыркая). А сейчас кого вы любите?

Иветта Михайловна (указывая на Дору). Его.

Дор целует ее руку.

Кстати, завтра надобно будет на вашей машине переправить передачу мужу.

Свидерский (не унимаясь). А за что вы любите его, уважаемая?

Иветта Михайловна. За то, что он беден и красив.

Свидерский (хохочет). Вот язва!.. Последний вопрос, Иветточка Михайловна. Последний, клянусь.

Иветта Михайловна. Ну?

Свидерский. Без женщин жить нельзя на свете? Нет?

Хохочет сам, его мало поддерживают остальные.

Иветта Михайловна. Свидерский, я вас тресну ракеткой по башке.

Каретников (появляясь). Бон суар. Я не помешал? Предварительный выпивон, однако, в разгаре. (Поднимая рюмку.) За Лассаля! (Пьет.) А почему мы не ужинаем? Кушать хочу.

Дор (сухо). Мы еще ждем кое-кого.

Все расселись несколько отъединенно и молчат, не глядя друг на друга и думая о своем.

Янина. Чудный сегодня вечер.

Анна (тихо).

Мне холодно. Прозрачная весна

В зеленый пух Петрополь одевает...

Петровых. Что вы вяжете, Иветта Михайловна?

Иветта Михайловна. Набрюшник для собаки.

Каретников. Кончено. Я полюбил вас снова.

Иветта Михайловна. Поздно.

Дор. А где Улыбышев?

Анна. Наверху.

Дор. Что так?

Анна. У него Безенчук.

Дор. Еще недоставало.

Иветта Михайловна (вздыхнув). Поздно. В эпоху военного коммунизма я была хороша. Помните, Кирилл?

Каретников. Нет.

Иветта Михайловна. А сейчас вся пропахла аптекой.
Насквозь.

Каретников. Мemento мори.

Янина. А какие были восходы солнца... на Стрельне. Боже мой...

Свидерский. Лелечка-то в Америку уехал.

Дор. Как ему удалось?

Свидерский. Бог помогает.

Янина. Иногда мне кажется, что поезда больше не ходят. Никуда.

Иветта Михайловна (Каретникову). Вы бываете на Офицерской? В том доме?

Каретников. Нет... Зачем?

Анна (рассматривает цветок). Иван... Ваня... Ванечка.

Свидерский (мечтательно). Да, Америка... У меня ведь там дедушка и два кузена.

Каретников. Их посадят на электрический стул, если они напоминают вас, моя радость.

Свидерский. Слушайте, вы...

Каретников. Тихонечко. Я вас и побить могу.

Анна. Оставьте Свидерского в покое, Кирилл. Прочтите стихи... последние.

Каретников. Слушаюсь... Поскольку поят коньячком — должен. (Грозно.) Но тогда — тихо. (Помолчав.) Написано в Летнем саду. Вчерась, перед обедом. Про револьвер. (Читает очень серьезно.)

Предмет печали и покоя,
О, преподай мне свой урок,
Глаза зажмурю и рукою
Нажму прельстительный курок.
Вползая в розовое мясо,
Пройдет железа нежный след.
Он был певцом иного класса,
Иных уж нет — пропал и след.
Прощайте клумбы, тети, дети,

И ты, что смотришь, чуть дыша,
Как в небесах, в лазурном свете,
Летит бессмертная душа.

Каретников молчит некоторое время. Янина, которая держала его руку, быстро целует ее.

Иветта Михайловна (взглянув на часы). Опоздала.
Опять. (Принимает какие-то порошки.)

Петровых (Каретникову, серьезно). Талантливо.

Каретников. Но бесполезно.

Анна (задумчиво). Отчего же?.. Стихи поучительные.

Каретников. Но кончится все тем, что нас прогонят в шею, невзирая на все таланты.

Свидерский. С вашими настроениями, однако, вполне можно переключиться на что-нибудь положительное... в пролетарской манере.

Каретников (серьезно). Э, нет... поздно. Поздно. (Усмехнулся.) Да и не зовут... Очень не зовут.

Свидерский. А вам очень надо?

Каретников. А ты думал! Я гордый. Не так ли, Иветта Михайловна... гордый?

Иветта Михайловна. Поздно. Поздно.

Каретников. Видите, и она твердит... Поздно. А ведь было, а? Закаты на Пряжке, зимний Невский, Саша Блок, ночи на Офицерской, ась? (Помолчав.) Прошу простить за мелодраму, это не мой жанр. (Кланяется и уходит покачиваясь.)

Иветта Михайловна. Съела его водка.

Янина встает с шезлонга, идет за Каретниковым.

Анна. Куда ты?

Янина. За ним. Боюсь, он опять ляжет на рельсы. (Уходит.)

Свидерский. Нда... Не в настроении сегодня наш Байрон.

Анна. А вы знаете, кто такой Байрон, Свидерский? Это удивительно. (Уходит в глубь сада.)

Дор (смотрит на часы). Половина одиннадцатого... Почему не звонит Рябов?

Иветта Михайловна. Успокойся, дружок, сколько раз все висело на волоске, а ты всегда выходил из беды.

Дор. И все же не следует забывать, я допущен временно и буду уничтожен. Буду — согласно доктрине.

Свидерский. Нда... Ерундистика.

Дор. И сопротивление, как мне объяснили в инстанциях, бесполезно. (Взрываясь.) Но это же чушь — в отсталой стране, где нет ни автостроения, ни авиастроения, в стране, всецело зависимой от Запада, пытаться построить социализм!..

Свидерский. Я же говорю — анекдот! Бессмыслица! Сознаться, что русский мужик, строящий самолет или трактор, — фигура из водевиля.

Петровых. Заблуждаетесь, Леонид Казимирович. Русский человек — идеальный мастеровой, смекалистый, хитрый, и руки у него поистине золотые. Но сумеет ли пролетарий самолично руководить промышленностью — вот тут позвольте усомниться.

Свидерский. В том и суть! (Он уже нетрезв.) Ну что ж, отойдем в тенечек и выждем... А вместо фабрики организуем артель — временно. Есть на примете красивые названия — «Освобожденный труд», например... Или «Заря свободы». Ей-богу, неплохо. Сожмемся на некоторый срок. Станем невидимы.

Дор (со сдержанной яростью). Превратиться в мелкого кустаря? Сползать со ступеньки на ступеньку? Кончить лоточником? Это вы предлагаете мне, Свидерский?

Свидерский. Но надо же за что-то уцепиться. Верить во что-то надо? Хорошо — вы, умник, во что верить прикажете?

Иветта Михайловна. С любопытством жду, что вы скажете, Николай Альбертович.

Катенька (выходит из дома). Василиса спрашивает, может, вам нарзану принести?

Дор. Стоп!.. Принести... При-нести... (Неожиданно засмеялся.)

Вот во что верить надо, Леня. Деревня — понимаете? В городе мы, частный сектор, жалкое меньшинство — одна восьмая всей массы товаров. А в деревне-то положение у «товарищей» более ядовитое. *(Берет руку Катеньки и ласково гладит.)* А без хлеба государству — смерть!

Катенька *(вспыхнув)*. Вы меня, пожалуйста, руками не трогайте, ишь чего выдумали. *(Убегает в дом.)*

Свидерский. Вы... Вы верите в переворот?

Иветта Михайловна. Бог знает, что ты говоришь.

Петровых. Неразумно, Николай Альбертович... В доме посторонние.

Дор *(сумрачно)*. Надеюсь, всем понятно, что я не могу обождать коммунистическую партию.

В саду из-за кустов появляются Иван и Безенчук.

Иван. Зря панику порол — лежит твой макет целый и невредимый.

Безенчук *(увидел Иветту Михайловну)*. Матушки родимые — цветок душистых прерий... Она?

Иван. Тихо ты...

Безенчук. Широко живете.

Иветта Михайловна *(смотря на часы)*. Половина двенадцатого — мне надо лично позвонить в театр и проверить выручку буфета.

Свидерский. Но что общего между вами и буфетом, очаровательная?

Иветта Михайловна. Я имею с них процент. *(Уходит.)*

Нолик следует за ней.

Свидерский. Как в сказке.

Иван *(выходит с Безенчуком из-за деревьев)*. Мы не хотели мешать, но... Дело в том, что мы забыли здесь сверток, он принадлежит Безенчуку, а я...

Дор. Знакомьтесь, Орест Леонтьевич... Роман Безенчук, мой основной враг.

Безенчук. Николай Альбертович, вы мне льстите. У вас есть

враги посерьезнее. (К Петровых.) Добрый вечер, Орест Леонтьевич.

Дор. Вы знакомы?

Петровых. Товарищ Безенчук — мой коллега и сослуживец. Мы с ним иногда спорим. Насколько я мог уловить, я не всегда бываю ему приятен. Не так ли?

Безенчук. Вы правы.

Иван. Ну, это уж, знаешь...

Дор. Так-с... А тема ваших споров?

Петровых (помолчав). Жизнь.

Пауза.

Иван. Ого.

Безенчук. Орест Леонтьевич обожает находиться наедине со своей профессией. Будь его воля, он под страхом смерти запретил бы нам, грешным, касаться вопросов, которые занимают его. Самого!

Петровых (вежливо улыбаясь). Несколько преувеличенно, но в общем верно.

Безенчук. Никогда — я это подчеркиваю, — никогда не наблюдал у вас желания поделиться знаниями, которыми вы обладаете в таком избытке. (Взрываясь.) Это что же... всю науку хотите взять себе на откуп?

Петровых. Увы, но если говорить об идеале, Роман Яковлевич, познания мои ничтожны.

Безенчук (с прежней страстью). А по-моему, это преступно — в ущерб остальным пытаться стать их умнее.

Петровых. Ну-с, вот я уже и преступник. Видите, как все быстро случается у товарища Безенчука.

Безенчук. Тут ведь ничего смешного. (С горечью.) Я все еще уважаю вас, Орест Леонтьевич.

Петровых. «Все еще» звучит неплохо!.. И это огорчает вас?

Безенчук. Знаете, что про вас ваш учитель сказал?

Петровых. Владимир Филаретович? Любопытно.

Безенчук. Светит, да не греет наш Орест Леонтьевич.

Петровых. Вот как?

Дор (Улыбышеву). Что вы делаете, Ваня?

Иван (снял с себя туфлю и рассматривает ее). Гвоздь появился. (Пытается камешком помочь делу.)

Петровых (Безенчуку). Вы были на строительной площадке?

Безенчук. Только что оттуда.

Петровых. И каковы они, ваши волжские впечатления?

Безенчук (усмехнулся). Это конец старой России.

Петровых (помолчав). Конец не всегда начало, Роман Яковлевич. Есть такое каверзное словечко — хаос. На мой взгляд, именно в России словечко это нашло себе вторую родину.

Иван. Вы поглядите, какой огромный гвоздь. (Показывает всем гвоздь, только что выдернутый им из подметки.)

Безенчук. Пошел ты к черту! (К Петровых.) Хотите сказать, что нам это не под силу? (Показал на макет.)

Петровых (подходит к макету). Он?

Безенчук. Он.

Иван (отрываясь от своей туфли). Красив, черт...

Петровых. Недурен.

Дор. И предполагается, что его должен воздвигнуть царицынский мужичок? (Хитро смотрит на дымок от папиросы.) Грезы.

Безенчук. А я понимаю вас, Николай Альбертович... Страшно вам в это поверить.

Дор (пытаясь улыбнуться). Страшно... Почему?

Безенчук (показывает на макет, просто). Это ведь смерть ваша.

Воцаряется молчание. Дор, не трогаясь с места, смотрит на Безенчука.

Иван. Вечно ты не по-человечески... в космических, понимаешь, масштабах.

Дор вплотную подходит к Безенчуку, кажется, он сейчас его ударит. В саду появляется Анна.

Дор (неожиданно обмякает и говорит почти шутовски). Вы меня с кем-то путаете, Ромочка... Я только жалкий конди-

тер... Человечество любит сосать леденцы. Я иду ему навстречу. Вот и все. (Помолчав, идет к дому.)

А н н а (останавливает его на ступеньках террасы). Что случилось здесь?

Д о р. Роман Яковлевич шутят. (Уходит в дом.)

П е т р о в ы х (после паузы). Глупо, Безенчук.

А н н а (подходит к Безенчуку). Что вы ему сказали? (Резко.) Ну?

И в а н (Анне). А ты его не тронь! (Твердо.) Он приехал ко мне. Поняла?

А н н а (с удивляющей покорностью). Да.

И в а н (Безенчуку). А ты дурак!

Б е з е н ч у к. Возможно. (Помолчал и вздохнул.) Откровенность меня губит.

И в а н. Эх ты, максималист...

Б е з е н ч у к (не очень агрессивно). А ты минималист... Тоже не сахар.

И в а н. Это мы увидим. (Анне.) Мне поговорить с тобой надо.

А н н а (не сразу). Интересно.

П е т р о в ы х (Безенчуку). Вам никогда не приходила в голову мысль, что правда не всегда бывает уместна?

Б е з е н ч у к. Приходила. Но я гнал ее из головы.

П е т р о в ы х. Вот как?

Б е з е н ч у к. Ложь выдумали Адам и Ева. (Снова взрываясь.)

Все! С их законом покончено. (Вдруг резко оборачивается к Ивану.) Имей в виду — я ни в чем не раскаиваюсь.

Правда! Только правда! (Идет по саду.)

И в а н. Ты куда?

Б е з е н ч у к (воинственно). К тебе, наверх! (Уходит.)

П е т р о в ы х (поглядев на Анну и Улыбышева). Не буду мешать вам. (Уходит.)

Анна и Улыбышев остаются одни.

А н н а. Ну... Говори.

И в а н. Что?

А н н а. Ты же хотел объявить... нечто.

И в а н. Видишь ли, Николавна...

А н н а. Уехать отсюда хочешь? В общежитие.

И в а н. А ты почему думаешь так?

А н н а. Просто я жду этого твоего решения. *(Подумав.)* Давно жду.

И в а н. Ты переоцениваешь меня... Я не такой смелый.

А н н а *(усмехаясь)*. Неужели даже Безенчук не может заставить тебя сделать это?

И в а н. Я тебя люблю. *(Помолчав.)* Люблю, люблю.

А н н а. А глаза зачем закрыл?

И в а н. А это я так люблю тебя. С закрытыми глазами. *(Смеется.)*

А н н а. Но когда-нибудь я открою их тебе, Иван.

И в а н. Боже!.. А когда случится этот ужас?

А н н а. погоди, поднаберусь силенок. *(Помолчав.)* Ну, что желал сказать?

И в а н *(с решимостью)*. Слушай, дело серьезное — через месяц я инженер. Нет, ты, пожалуйста, не улыбайся... На Волге строят первый тракторный. Это дело великое. Роман устроил так, что меня зовут туда, понимаешь? И я поеду. И ты поедешь тоже. Ты поедешь, ты поедешь, ты поедешь... И там я буду тебе настоящим мужем, а не мальчишкой, как тут. И для нас начнется, понимаешь, новая жизнь...

А н н а *(серьезно)*. Новая, светлая?

И в а н. А ты не смейся... *(Посмотрел на нее.)* Постой... Ты это что, Анна... плачешь? Почему?

А н н а *(почти спокойно)*. Мне тебя жалко.

И в а н. Меня?

А н н а. Очень. *(Помолчав.)* И себя чуть-чуть. *(Смотрит на Улыбышева.)* Уходи прочь отсюда.

И в а н *(испуганно)*. Что ты... Николавна?

А н н а *(не сразу)*. Обещаешь быть мужем на Волге? *(Усмехнулась.)* Муж на Волге... Хорошее название для водевиля, Ваня.

тер... Человечество любит сосать леденцы. Я иду ему навстречу. Вот и все. (Помолчав, идет к дому.)

А н н а (останавливает его на ступеньках террасы). Что случилось здесь?

Д о р. Роман Яковлевич шутят. (Уходит в дом.)

П е т р о в ы х (после паузы). Глупо, Безенчук.

А н н а (подходит к Безенчуку). Что вы ему сказали? (Резко.) Ну?

И в а н (Анне). А ты его не тронь! (Твердо.) Он приехал ко мне. Поняла?

А н н а (с удивляющей покорностью). Да.

И в а н (Безенчуку). А ты дурак!

Б е з е н ч у к. Возможно. (Помолчал и вздохнул.) Откровенность меня губит.

И в а н. Эх ты, максималист...

Б е з е н ч у к (не очень агрессивно). А ты минималист... Тоже не сахар.

И в а н. Это мы увидим. (Анне.) Мне поговорить с тобой надо.

А н н а (не сразу). Интересно.

П е т р о в ы х (Безенчуку). Вам никогда не приходила в голову мысль, что правда не всегда бывает уместна?

Б е з е н ч у к. Приходила. Но я гнал ее из головы.

П е т р о в ы х. Вот как?

Б е з е н ч у к. Ложь выдумали Адам и Ева. (Снова взрываясь.)

Все! С их законом покончено. (Вдруг резко оборачивается к Ивану.) Имей в виду — я ни в чем не раскаиваюсь. Правда! Только правда! (Идет по саду.)

И в а н. Ты куда?

Б е з е н ч у к (воинственно). К тебе, наверх! (Уходит.)

П е т р о в ы х (поглядев на Анну и Улыбышева). Не буду мешать вам. (Уходит.)

Анна и Улыбышев остаются одни.

А н н а. Ну... Говори.

И в а н. Что?

А н н а. Ты же хотел объявить... нечто.

И в а н. Видишь ли, Николавна...

А н н а. Уехать отсюда хочешь? В общежитие.

И в а н. А ты почему думаешь так?

А н н а. Просто я жду этого твоего решения. *(Подумав.)* Давно жду.

И в а н. Ты переоцениваешь меня... Я не такой смелый.

А н н а *(усмехаясь)*. Неужели даже Безенчук не может заставить тебя сделать это?

И в а н. Я тебя люблю. *(Помолчав.)* Люблю, люблю.

А н н а. А глаза зачем закрыл?

И в а н. А это я так люблю тебя. С закрытыми глазами. *(Смеется.)*

А н н а. Но когда-нибудь я открою их тебе, Иван.

И в а н. Боже!.. А когда случится этот ужас?

А н н а. погоди, поднаберусь силенок. *(Помолчав.)* Ну, что желал сказать?

И в а н *(с решимостью)*. Слушай, дело серьезное — через месяц я инженер. Нет, ты, пожалуйста, не улыбайся... На Волге строят первый тракторный. Это дело великое. Роман устроил так, что меня зовут туда, понимаешь? И я поеду. И ты поедешь тоже. Ты поедешь, ты поедешь, ты поедешь... И там я буду тебе настоящим мужем, а не мальчишкой, как тут. И для нас начнется, понимаешь, новая жизнь...

А н н а *(серьезно)*. Новая, светлая?

И в а н. А ты не смейся... *(Посмотрел на нее.)* Постой... Ты это что, Анна... плачешь? Почему?

А н н а *(почти спокойно)*. Мне тебя жалко.

И в а н. Меня?

А н н а. Очень. *(Помолчав.)* И себя чуть-чуть. *(Смотрит на Улыбышева.)* Уходи прочь отсюда.

И в а н *(испуганно)*. Что ты... Николавна?

А н н а *(не сразу)*. Обещаешь быть мужем на Волге? *(Усмехнулась.)* Муж на Волге... Хорошее название для водевиля, Ваня.

И в а н (рассердился). Что ты чепуху мелешь? Перестань сейчас же!.. (Помолчав.) Не пойму, чего ты хочешь все-таки!

А н н а (почти без интонаций). Хочу, чтобы ты был тут. Вот тут. Чтобы сидел на этой скамеечке. Хочу иметь тебя для себя. Только. Хочу, чтобы ты был моим. Ручным. Чтобы никуда не уезжал. (Долго и молча смотрит на него.) Этого хочу.

И в а н. Как ты говоришь... страшновато.

А н н а. Ваня! (Хватает его за руки.) Я больше не нужна вам, гражданин Улыбышев?

И в а н. Да брось ты... (Помолчав.) Ты мне сначала на мои слова ответь серьезно, вот что.

А н н а (деловым, неожиданным тоном). Хорошо, я подумаю, Иван. Насчет Волги. А сейчас иди к своему Безенчуку... (Ласково.) Мы скоро будем ужинать, слышишь?

И в а н. Я уйду. Но ты странная женщина. (Идет, снова обращившись.) С ума сойдешь с вами со всеми... (Уходит в сад.)

А н н а (задумчиво).

В Петрополе прозрачном мы умрем,
Где властвует немая Прозерпина...

З а н а в е с

Акт второй

Тот же вечер, тот же час, та же обстановка.

А н н а (задумчиво).

*В Петрополе прозрачном мы умрем,
Где властвует немая Прозерпина...*

Из-за деревьев выходит Петровых. Издали снова доносится ресторанная музыка.

Петровых. Вам скучно?

А н н а (обернулась). Как всегда. Немножечко.

Петровых. Чем развлечь вас?

А н н а (улыбнулась). Чем умеете.

Петровых. Пробовали вы когда-нибудь говорить собеседнику правду?

А н н а. Никогда. Это было бы ужасно, вероятно.

Петровых. Тут недавно один максималист о правде кричал. Не попробовать ли и нам, а? Вдруг это развлечет вас.

А н н а. Никаких чувств, кроме ненависти, правда не вызывает.

Петровых. Это звучит слишком категорично.

А н н а. Ну что ж, испытаем. (Чуть вызывающе.) Вам очень симпатичен мой отец?

Петровых. Видите ли... Даже в детстве я был равнодушен к кондитерским товарам.

А н н а. Зачем же вы ходите в наш дом?

Петровых. Мне доставляет удовольствие ваше общество.

А н н а. Начало не так уж плохо.

Петровых (кланяется). Вот видите.

А н н а. Что же вам нравится во мне?

Петровых. Вас не разберешь сразу.

Анна. Шаткое достоинство. А что вам во мне не нравится?

Петровых. Вы не лучшим образом выбираете любовников.

Мгновенное молчание.

Анна. В таких вопросах мужчина плохой судья. Особенно если он...

Петровых. Заинтересованное лицо?

Анна. Вы смелый человек.

Петровых. Просто я слишком стар. Мне нечего терять.

Анна. А вы кокетливы, оказывается.

Петровых. Это свойственно мужчинам моего возраста. (Помолчав.) Вы любите вашего мужа?

Молчание.

Вы вышли из игры?

Анна. А что об этом думаете вы?

Петровых. Не мучайте мальчишку. Отпустите его. До слез жалко этого Ваню.

Анна (почти с отчаянием). Я люблю его?

Петровых. Да. И готовитесь жестоко ему отомстить.

Анна. За что?

Петровых. За то, что он оставит вас. И вы знаете это. (Помолчав.) Я угадал.

Анна (не сразу). Какой жалкой я, вероятно, кажусь вам.

Петровых. Женщина, которая любит, всегда кажется жалкой постороннему мужчине.

Анна. Мне ненавистно его превосходство. Когда-нибудь я скажу ему про себя всю правду... Чтобы он заплакал, закричал от боли.

Петровых. Плюньте, милая женщина. Право, он славный малый. Не разбивайте ему сердца.

Анна (как не о себе). И все-таки я сделаю это, вероятно. (Словно жалуясь.) Трудно удержаться.

Петровых. Ну что ж... Бедный Ванечка. (Помолчав.) Впрочем, за все надо платить.

А н н а. Вероятно, я могла быть лучше. (Чуть улыбнувшись.)
Все чаще я вспоминаю детство... Мою мать... Если бы я
осталась с нею, я была бы другой, совсем другой, правда?
Ведь было же во мне что-то хорошее... Было, было! (Смот-
рит на Петровых.) Мне не понравилась ваша игра.

П е т р о в ы х. Я всего лишь хотел вам помочь... понять себя.

А н н а. Тому, кто себя разгадал, следует умереть. Ему не для
чего больше жить.

П е т р о в ы х. Это любопытно.

А н н а (резко оборачивается к нему). Вы любите меня?

Петровых смеется.

Отвечайте.

П е т р о в ы х. На этот вопрос сложно ответить,— вероятно, я
все-таки стар уже. (С неожиданной для него горячностью.)
Но зависть, зависть... Зрелище красивой женщины, кото-
рая семенит на свидание к своему любовнику, приводит
меня в ярость. (Усмехаясь.) Забавно, но в таких случаях я
почти верю, что меня обокрали.

А н н а. Бедненький... Видимо, вам довольно часто приходится
кричать караул.

П е т р о в ы х. Увы, не так уж часто. Красивых женщин почти
не осталось. Что до любви — то существует ли она в наше
время? Кругом мерзость и разврат. Я устал принимать в
этом участие. Надоело!

А н н а. Усталость не украшает мужчину, Орест Леонтьевич.

П е т р о в ы х. Что поделаешь! (Помолчав.) Вы смеетесь?

А н н а. Еще несколько минут назад я боялась вас почему-то, но
сейчас... вы просто смешны с вашей позицией человека,
который вышел из строя. Вероятно, и в каком-нибудь там
главке вы стоите, как лакей, навтытяжку перед каждым
значительным хамом! Еще бы, ведь для вашего усталого
эпикурейства требуется солидная зарплата, не так ли?

П е т р о в ы х. Не ожидал, что вас настолько обидит мое неже-
лание встать перед вами на колени. (Чуточку свысока.)
Что же касается моего лакейства, то не поторопились ли

вы с выводами... Мм? Для того чтобы нанести неожидан-
ный удар, отчего и не позаискивать малость. А удар, ви-
димо, будет нанесен. (Улыбнулся.) Он неизбежен. Истори-
чески. (Уходит, поклонившись.)

А н н а (одна). Бедному павлину повредили хвост. А как инте-
ресничать? (Усмехнулась.) Драма.

Из дома выходит Д о р, замечает Анну, подходит к ней.

Д о р. Одна? И в такой вечер?

А н н а (с некоторой комической интонацией). Садись, отец. (Ис-
пытующе разглядывает его.) Тоже... поговорить хочешь?

Д о р (засмеялся вдруг). А что, донимают? (Помолчал.) Вот что,
дружок, не очень советую привечать Свидерского. Он ведь
подлец.

А н н а. Нет, это так... шуточки.

Д о р. Ну-ну.

А н н а. На какую тему поведем разговор?

Д о р. Поговорим о смерти.

А н н а. Давай. (Усмехнулась.) А есть в этой области что-нибудь
новое?

Д о р. Мне только что ее Безенчук обещал. Правда, несколько
фигурально. С марксистской точки зрения.

А н н а. Почему ты не выгнал его?

Д о р. Боялся обидеть твоего Ваню.

А н н а. Лжешь.

Д о р. Угадала. (Тихонько засмеялся.)

А н н а. Ты что?

Д о р. До чего же подло сотворен человек. Чем одарил его бог?
Малодушием во-первых, в-третьих и во-вторых. Мне бы
Безенчуку пощечину, а я... заигрывать с этой сволотой на-
чал, прикинулся болящим старичком... (Передразнивая се-
бя.) «Я только бедный кондитер, Ромочка...». Мне бы убить
его, а я шмыг в сторонку, по привычке... Вот здесь, здесь
вот я стоял перед ним, стоял и ненавидел. Его? Да. Но се-
бя больше! За подлость мою, бессилие, шутовство.

А н н а. Не горюй. Мы все такие.

Дор. Не любишь людей?

Анна. Нет.

Дор. И права. Из всех зверей — человек самый хитрый. Когда я вижу двуногое, себе подобное, мне всегда кажется, что оно хочет у меня что-то отнять. (Обнимает ее.) Не люби людей.

Анна. Я и не люблю.

Дор. А если кого и полюбишь, то его-то и бойся всех более.

Анна (обернувшись). Да?

Дор. За твою ласку он тебя не пожалеет. Наплюет в душу и посмеется. Так со мной твоя мать поступила... А потом с нищим ушла. С ним веселее.

Анна. Эх ты... бедняжка.

Дор. Нет, зачем... Я твоей матери навеки благодарен. Она мне тебя оставила.

Анна. От меня радости мало. (С горечью.) Один Иван радуется. Пока.

Дор. Твой Иван юродивый. Вот такие и сводят с ума русских баб.

Анна. А зачем ты всегда издеваешься над ним? К чему тебе это?

Дор (помолчав). Ревную, доченька.

Анна (раздумывая). А к Свидерскому?

Дор. Ну, эдак ты шутила со многими, а Иван...

Анна. С ним не шучу?

Дор (вздыхнув). С ним тебе не до шуток.

Анна. Смотри-ка... а ты приметливый.

Молчание.

Дор. Оставь его. Пусть идет своей дорогой. Не то...

Анна. Что?

Дор. Он разобьет тебе сердце. Сделает нищей, старой... Я ведь все вижу, и как ты глядишь на него... (Шепотом.) Знаешь, мне иногда хочется выгнать вас из дому... обоих. (Почти со стоном.) Ну зачем тебе Иван, разве других мало?

Анна. А я тебе зачем?

Дор. Ты на мать похожа — красивая. *(Долго смотрит на нее.)* Хочешь, брошу все: и фабрику, и кондитерскую, и Свидерского — уедем с тобой на край света... Должен же он быть где-то, этот край! Я бы с утра тобой любовался — как ты просыпаешься, умываться с полотенцем идешь, как чай себе наливаешь... И никого, кроме тебя!

Анна. А деньги? Скучно тебе без них будет, мой милый.

Дор. У меня три бриллиантика есть... Такие! Нам с тобой до смерти хватит.

Анна. Я не об этом. Тебе умножать надо деньги, умножать! Без этой забавы ты недели не проживешь. Соскучишься.

Дор *(с любовью смотрит на Анну)*. Знаешь меня... *(Ласково ее обнимает.)* Ты хоть на словах мне позволь лучше, чем я есть, быть. Ложь, дружок, — это единственная радость. Только во лжи мы и счастливы.

Анна *(улыбнулась себе)*. Смешно.

Свидерский *(появляясь в окне)*. Рябов все еще не звонил?

Дор. Нет.

Свидерский. Непостижимо. *(Скрывается в окне.)*

Дор *(неожиданно)*. А ведь если я нищим стану, ты меня бросишь, Аннет. *(Молчание.)* Бросишь?

Анна *(ей лень и неохота лгать)*. Глупости.

Дор. А зачем я тебе, деточка! Твоя мать и от богатого от меня ушла.

Анна. А может, будь ты беден, и не ушла бы?..

Дор. Она?.. Возможно. Только ты в меня. Любишь деньги.

Анна. Люблю. Они мне годятся. Очень. Так что ты их не теряй. Пожалуйста. Слышишь?

Дор *(смотрит на нее)*. Страшно.

Анна. Что?

Дор *вынимает револьвер и кладет его на стол перед собой*.

Это кто ж такой?

Дор. Пистолетик.

Анна. Зачем?

Дор (засмеялся). Не знаю.

Анна подходит к Дору, берет пистолет, рассматривает его.

Анна. Красивая штучка. Дорого заплатил?

Дор. Не дешево.

Анна (улыбнулась). Давай застрелим Безенчука. Это было бы весело.

Дор (смотрит на часы). Двенадцатый час, а Рябов молчит. Все это похоже на конец, доченька.

Анна. Ты думаешь?

Дор. Он слишком меня любит, чтобы лично рассказать, как я стал нищим. (Помолчав.) Я крестил у него сына.

Анна (гладит пистолет). Он заряжен?

Дор. Да. (Весело.) Им можно выстрелить себе в сердце.

Анна. В сердце?

Дор (улыбаясь). Вот сюда.

Анна. Отдай... Сейчас же! (Берет у него револьвер.)

Дор. Глупенькая... В себя можно выстрелить напоследок.

Анна. Сегодня день моего рождения — будем считать, что ты подарил мне эту прелесть... Вместе с часиками... Ладно? (Обнимает его.) И не спорь сегодня со мной. Хорошо, милый? (Нежно его целует.)

Дор (с некоторым удивлением смотрит на нее). Не предполагал, что я настолько тебе небезразличен.

Анна (кладет револьвер в сумочку). Ты многого не предполагаешь.

Входит Катенька.

Катенька. Василиса опять спрашивает, когда ужинать будем. Жаркое, говорит, перестоится.

Дор. Ждем гостей — пусть придумает что-нибудь. (Уходит.)

Анна. Иван Андреевич где?

Катенька. Наверх пошли.

Анна. С Безенчуком?

Катенька кивает.

Ну... Что они?

К а т е н ь к а. Смеются.

А н н а. А разговор у них... о чем?

К а т е н ь к а. Я не слышала.

А н н а. Есть вещи, Катенька, слышать которые полезно. Вы меня поняли?

Катенька молча кивает.

А иногда случается и такое, чего полезно не замечать. Во-все не замечать. А уж тем более рассказывать об этом. Вы понимаете, о чем я говорю?

К а т е н ь к а (тихонько). Да.

А н н а (снимает с руки кольцо). Это очень дорогое колечко, а мне совсем не жалко подарить его вам. Вы понимаете почему?

К а т е н ь к а (еле слышно). Нет...

А н н а. Потому что вы умница. (Отдает кольцо Катеньке.) Берите. (Уходит в дом.)

К а т е н ь к а. Ой, господи, плохо-то как!.. Бросить его? Нет, не могу... не богатая я. А в парке статуи стоят — красивые, печальные... (С тоской.) Уйти бы, уйти бы отсюда, не глядеть на их обман...

Из дома доносятся звуки рояля. На террасе, чуть пошатываясь, показывается Каретников. Услышав последние слова Катеньки, он подходит к ней и, чуточку постояв, кладет ей руку на плечо.

(Чуть отстраняясь.) Что вы?

К а р е т н и к о в. Обман. (Задумчиво.) А что такое обман? Естественное состояние души. Так было, так есть. (Точно споря с кем-то.) Так будет.

К а т е н ь к а (тихо). Неправда.

К а р е т н и к о в. Имеешь мне что-нибудь возразить, дитя?

Катенька молчит.

Сколько тебе лет?

К а т е н ь к а. Восемнадцать...

Каретников. Только-то!.. Но ты уже лжешь каждый час, каждую минуту.

Катенька (очень тихо). Нет. Я всегда правду говорю.

Каретников. Правду? (Прикладывает палец к губам.) Антру. (Оглядывается по сторонам и тихонько говорит.) Правды не существует.

Катенька (поражена его словами). Нет правды?

Каретников. Правда... Она, братец, может, и есть. Только мы в нее не верим.

Катенька. Вы? А это кто такие — вы?

Каретников. Всяческие рифмоплеты. Но это не должно расстраивать тебя, Катерина. Нас скоро выведут. Как клопов.

Катенька. Почему?

Каретников (с веселой торжественностью). Потому что мы мешаем социалистическому строительству. Печально, не правда ли? Ну что ж, на наше место придут другие. Более добротные, более правильные на вид. Они выстроят себе красивые домики и напишут стихи о том, что правда существует. У них будут вот такие загребущие лапы, и впоследствии они станут кушать друг друга... Бедные людоеды! В конце концов их тоже выведут. Как клопов.

Катенька. А что же будет потом?

Каретников (сердито). А потом взойдет заря счастья и справедливости.

Катенька. Какой вы злой.

Каретников. А ты не думай, что я шучу. Вероятно, она действительно взойдет, эта пресловутая заря. Было бы просто глупо, если б не взошла, понимаешь? Но я здорово устал, дружок, и у меня болит голова. (Помолчав.) Видишь ли, меня мучает один человек. Он тоже пишет стихотвореньца. Его зовут Владимир Владимирович. Володенька Маяковский — он мучает меня. Я не могу ему простить...

Катенька. Простить... Чего?

Каретников. Веры. Что правда существует. Я завидую ему. Поняла?

К а т е н ь к а (пораздумав). Мне вас жалко.

К а р е т н и к о в (с удовлетворением). А мне себя—нет. Я убежден, что гожусь на удобрение. (Поднимая палец.) Уже — нечто.

К а т е н ь к а. А по-моему, вы все представляете.

К а р е т н и к о в. До некоторой степени, моя радость. (С неожиданной ласковостью.) Ты тут умница, Золушка. Будь я принцем, я нашел бы именно твою туфельку. Впрочем, это вряд ли доставило бы тебе удовольствие. Я, видишь ли, приметлив, я вижу, по ком у тебя болит сердечко... Но это будет нашей тайной, ладно?

К а т е н ь к а (шумно вздохнув). Молчите!.. Молчите об этом... Молчите! (Быстро убегает в дом.)

К а р е т н и к о в (задумчиво смотрит ей вслед). Убежала. Значит, угадал. Эх ты, Иван-дурак...

Из калитки в сад входит С е р е ж к а, человек шестнадцати лет. Он одет в простую крестьянскую одежду.

С е р е ж к а (оглядевшись). Здравствуйте,

К а р е т н и к о в. Будь здоров.

С е р е ж к а. Вы тут кто? Хозяин?

К а р е т н и к о в. Гость.

С е р е ж к а. Понятно. Вино пьете.

К а р е т н и к о в. Если дают.

С е р е ж к а (прислушиваясь к музыке). И столовка возле.

К а р е т н и к о в. Да. Все удобства. (С интересом разглядывает мальчишку.) Откуда будешь?

С е р е ж к а. Из-под города Гдова.

К а р е т н и к о в. Крестьянствуешь?

С е р е ж к а. Нет, я мельник.

К а р е т н и к о в. Важное дело. А сюда, мельник, зачем при-был?

С е р е ж к а. Сестру ищу. Это дача гражданина Дора?

К а р е т н и к о в. Она.

С е р е ж к а. Нашел, значит. Моя сестра здесь в домработницах живет. За тридцать рублей на всем готовом.

Каретников. Катерина?

Сережка. Знаете ее?

Каретников. Люблю.

Сережка. Чего?

Каретников. Не сердись, ты меня плохо понял. Я ее друг.

Сережка (оценивая его). Пиджак у вас потрепанный. А вы кто?

Каретников. Человек.

Сережка. Мы все люди. А вот какой вы человек? Рабочий, служащий... или какой нэпман?

Каретников. Частное лицо.

Сережка. Отец про таких не рассказывал.

Каретников. А твой отец кто?

Сережка. Был коммунист.

Каретников. Был?

Сережка (твердо). Был. (Он вкладывает в это слово очень много.)

Каретников. А сейчас?

Сережка. Убитый. (Без тени жалости к себе, а напротив того, очень твердо.) Я теперь сирота.

Каретников. А Катерина знает?

Сережка. Нет еще. (Снимает кепку.) Я ей объявлять приехал.

Каретников. Отца похоронили?

Сережка. В прошлое воскресенье.

Каретников. А письма что ж не написал ей?

Сережка. Тетка Маруся — сестра отцова — не велела. Приедет, говорит, хоронить, место в городе потеряет. А им нынче дорожить надо. Безработица.

Каретников. Она что же, злая у тебя, тетка-то?

Сережка. Маруся? Нет... (Махнул рукой.) Бедствует просто. Я ведь тоже — на свои заработки живу.

Молчание.

Вы крестьянскую жизнь знаете? Горе. (Очень негромко.) Отец хотел все... преобразовать, значит.

Каретников. А кто его... убил-то?

Сережка. Враги.

Каретников. Чьи враги?

Сережка. Наши.

Каретников садится на скамью, долго молчит. Сережка подходит к нему, и тогда Каретников проводит своей рукой по его волосам.

Каретников (негромко). Ну, что ж... держись, брат.

Сережка (помолчав). Я вечером с мельницы прихожу, смотрю, отец в хате сидит и чего-то в тетрадь пишет. Веселый... «Ты чего, говорю, смеешься, папаня, тысячу рублей выиграл?» «Не менее,— отвечает.— Нам нынче район коллективное хозяйство утвердил». «Чего ж теперь будет?» — спрашиваю. «А теперь, говорит, будущее начнется». Шутит... Тут я сел чай пить, а он из хаты вышел. В тот день я на мельнице воблу ел, так мне к вечеру пить захотелось — беда! Сижусь, третий стакан допиваю, а тут выстрел из леса. А время-то для охоты уж темное, вечер. Поразмывлял я, стал чаю четвертый стакан наливать — мужики в хату входят. (Помолчав.) Отец у них на руках. И помирает. Уложили его, а он на меня смотрит. «Не судьба, говорит, Сергей, мне тебя в силе увидеть... Но того выстрелом не повернешь. Твоя жизнь началась...». Тут мужики Николая привели. Убийцу. Помню, он пять годов назад с отцом в бабки играл. Бедовый был мужик, видный. А прошлым летом на Зинке Солодухиной женился, большое богатство взял. Отец ему говорит: «Что же ты меня убил, Колька, подлая твоя душа?» «А тебе,— Николай отвечает,— еще не то сделать надо! По-твоему, выходит, зря я свою молодость продал?..» Тут его мужики бить начали, но прибыл милиционер Федя и его из их рук отнял. «Вы, говорит, его сами не бейте, ему государство воздаст. И кто его подговорил, тех тоже к стенке». Затем ушли все, а когда стало светать, отец открыл глаза и сказал в последний раз: «Все... Теперь твой черед... Достигай. Действуй со-

гласно уставу». Через три дня хоронили его. В дождь. Со знаменами.

Каретников (после долгого молчания). А теперь что делать думаешь?

Сережка. Теперь мне на отцово место идти надо.

Каретников. А его место... какое?

Сережка. Не понимаете?

Каретников. Ну что же... (Тихо.) Живи. Не уступай.

Сережка. Сестра в доме?..

Каретников. Да... Позвать?

Сережка. Нет... Сам найду. (Уходит в дом.)

Каретников (прислушиваясь к музыке, которая все еще играет). Эх, голова моя, головка... (Растерянно.) Я, кажется, совершенно трезв сейчас. (Встает со скамейки и задумчиво повторяет Сережкины слова.) «В тот день я на мельнице воблу ел, так мне к вечеру пить захотелось — беда...». (Сжимая кулаки.) Как ты ничтожно. Дерьмо... Искусство.

Янина (входит в сад). Ты здесь?.. А я искала тебя на вокзале, совсем измучилась.

Каретников. Ну да?

Янина (берет его руку). Ты такой беспокойный сегодня. Хочешь, уедем отсюда... домой?

Каретников (медленно). К чему? Сейчас дадут еду, а я прожорлив.

Янина. Мне очень хочется пораньше сесть завтра за работу. Она что-то третий день не ладится у меня.

Каретников. Не ладится? Ну и фиг с ней.

Янина. Что ты говоришь, Кирик. В нашей жизни все ничтожно. Все, кроме работы. Ты сам говорил — это последнее.

Каретников. Чушь!.. Ты ничтожество. Была и будешь. Не плачь — я тоже такой. Все мы такие! (С прорвавшейся на конец яростью.) Хотели прикарманить искусство, заполучить в собственность, чтобы оно принадлежало только нам. Дурацкие претензии! Что у тебя за душой? Размалеванный кукиш! Фиг — в черном квадрате.

Янина. Кирик, замолчи. (Пытается стать перед ним на колени.) Я тебя умоляю, милый...

Каретников (ревет). Неужели ты не чувствуешь, дура, что время прищемило тебе нос? (Хохочет.)

Янина (встает с колен, пошатываясь). Подлец! (Медленно уходит в дом.)

Каретников (поднимая голову к небу). Господи... Если ты существуешь... прости.

Телефонный звонок. В освещенном окне виден Свидерский. Подобно тигру, он бросается к телефону и что-то бормочет. Каретников пошатываясь уходит в калитку. Из сада бежит Дор, кидается к окну, к Свидерскому.

Дор. Ну... Что? Что? Говорите же!

Свидерский. Тише!.. Звонит Рябов. (Слушает некоторое время и затем вешает трубку.)

Дор. Ну?..

Свидерский. Совещание окончено.

Дор. Далее.

Свидерский. Он не пожелал секретничать по телефону. Хочет лично увидеться с нами.

Дор (в отчаянии, сжимая кулаки). Ждать до завтра!

Свидерский. Он на машине... Через сорок минут будет здесь.

Пауза.

Дор. По-вашему... есть надежда?

Свидерский (усмехаясь). Надежда... Что с нее возьмешь сегодня?

Дор. Обратимся к логике. (Раздумывая.) То, что он хочет лично увидеться с нами, пожалуй, знак положительный. Разве нет? Ведь о крахе дела он мог бы сообщить по телефону. А? Как вы полагаете, Леня?

Свидерский (взвешивая факты). Черт те... Хотя... Пожалуй.

Дор. Ленечка, я начинаю верить! (Засмеялся.) Наш старикан хочет похвастаться лично, как он снова обвел их вокруг пальца... Это на него похоже.

Иветта Михайловна (выходя из дома). Каково — сбор буфета достиг восьмисот рублей... Они съели все бутерброды!

Дор. Иветта, есть шанс, что Рябов выиграл дело.

Иветта Михайловна. Я не сомневалась.

Петровых (появляясь в саду). Поздравляю, Николай Альбертович!

Из дома выходят Янина и Нолк. Все пожимают руку Дору.

Дор. Нет-нет, преждевременно... Дурная примета, господа!

В сад из калитки входит новая группа гостей. Все шумно приветствуют Дора, женщины целуют появившуюся Анну.

Свидерский. Наконец-то!.. Мы тут погибаем с голоду!

Гости. Дела...

— Дела!

— Дела.

Дор. Сейчас пойдем ужинать, господа... Но предварительно по рюмочке отборного!.. (Указывает на Анну.) За нее... За единственную!

Все пьют. Приветствия. Шум.

А теперь — еще по одной, но по особому случаю... Тсс... Тайна...

Один из гостей. Неужто?

Дор. Тсс... (Шепотом.) Как будто.

Иветта Михайловна. Эх, Колька!.. Хороший коньяк пьешь!..

Дор. Вспыхнула! (С восхищением глядит на нее.) Наконец-то...

Свидерский. За Николая Альбертовича! За неиссякаемость его!..

Снова аплодисменты.

Дор. Одну минутку... Я хочу сказать два слова. Мы живем с вами, и мы работаем в кошмарных условиях. А ведь мы —

предприниматели и торговцы — основа всех основ. И горе нации, если она не поняла этого. А между тем какую роскошную жизнь подарили бы мы стране, которая поставила бы нас во главу угла. (Со значением.) Моя мысль понятна.

Один из гостей (в тишине, со слезами на глазах). Браво... Петровых. Осмелюсь не согласиться.

Возникает почти неправдоподобная тишина.

Руководить производством предприниматель вряд ли сможет. Для этого — прошу меня простить — он слишком мелочен и эгоистичен.

Свидерский. Вот тебе и здрасте.

Петровых. Увы, но во главе промышленности, а следовательно, и государства должны стоять инженеры.

Ропот возмущения.

Дор. Детские претензии! Ваш талант — наша организация. Остальные комбинации исключаются.

Петровых. Позволю не согласиться. Социальное планирование и научное управление — дело интеллигенции, то есть людей, способных мыслить конструктивно. К сожалению, у нас в России, несмотря на смену власти, этого так и не поняли. Над нами все еще осуществляют контроль, вместо того чтобы поставить во главе промышленности.

Свидерский. Абсурд! Интеллигенция в России — чистейший нонсенс. Янька свидетель. Она говорит, что интеллигенцию выдумал Мережковский... Клянусь!

Каретников (появляясь). Ты что, интеллигенцию обижаешь? Вот я тебе по уху!

Свидерский. Как вы смеете, негодяй!

Каретников. Цыц, кукла! (Остальным.) И вы все тихо. (К Петровых.) Брависсимо, Орест Леонтьевич. Находясь у забора, слышал, как вы ратовали за униженных и оскорбленных... но конструктивно мыслящих. Ну что ж, выпь-

ем, инженер, за бедную соль земли, которой грош цена...
(Поднимает рюмку.) За Кирилла Каретникова то есть. Виват! (Пьет.)

Дор. Крик, все время крик, Кирилл Алексеевич. (Сдержанно.)
И, пожалуй, вы нам надоели, извините.

Каретников. И то правда. Надоел. Но больше всех самому себе. (Дору.) Пора уходить со сцены, кондитер. Возьмемся, как детки, за ручки и... освободим место (указывая на Петровых), но не ему. Жидковат.

Иветта Михайловна. Ну что ты тут кричишь... Большой, глупый... (Кажется, что она сейчас заплачет.) Нет, поздно.

Каретников. Соболезнуешь? А я тебя жалею... Где вулканто? Потух?.. Тю-тю?

Свидерский. Выгнать его в три шеи, и конец. Клянусь!

Янина (бросаясь к Каретникову). Не трогайте его, я вас умоляю...

Каретников (рычит). Свидетельствую — пришел ваш последний час.

В наступившей тишине слышно, как в доме бьют часы.

Двенадцать! По ком бьют часы? Это частник сходит со сцены. (Басом.) Адью, мон плезир! Не ропщите — не о торговцах веду речь только. А я кто? Частное лицо! (Указывая на Янину.) А она? (Показав на Петровых.) Он? А эта? (Показал на Иветту Михайловну, а затем, взглянув на Анну.) Или та. Мы все — частные лица. Частники — кто во искусстве, кто во любви, кто во служении... Это для нас с гулькин нос, но наш, наш мирок — прелестнее всего на свете. (Отчаянно.) Но велено шабашить! Не хотят больше люди ни лгать, ни объегоривать, ни обсчитывать, и нас посему изгоняют... Ибо двенадцать пробили часы системы Мозер и сыновья.

Внезапно гаснет электричество. Тишину сменяет вопросительный испуганный шепот. Но темноты не возникает — ночь слишком светла. Просто вокруг все стало казаться призрачным, серым.

Г о л о с а. Кто погасил свет?

— Перегорели пробки...

— Вероятно, авария на станции.

Д о р. Пустяки, сейчас принесут свечи... Но прежде всего я должен ответить...

К а р е т н и к о в (*покрывая своим басом гул голосов*). Свечи не помогут — тьма есть тьма. Электростанция согласовала этот вопрос с вечностью. Мы израсходовали весь полагающийся нам лимит. Света не будет, конец всему, расходитесь.

Вносят свечи. Картина резко меняется. Блики света, мерцающие тени — все это дрожит в каком-то непрерывном движении.

Д о р (*сжав свечу в дрожащей руке*). Все, что вы продекламировали только что, Каретников, ложь, мечта, греза!.. И я докажу это. Вы можете отнять у меня фабрику, мои кондитерские, но разве есть сила, способная выжечь из человеческих душ страсть, неистребимую страсть к собственному, частному, к тому, чем жив человек, когда он закрывает на ключ священные двери своего дома.. Вам пригрезилось, что люди устали обманывать, объегоривать, обсчитывать... Бедная наивность... Да в этом только и есть смысл жизни бедного двуногого! Передайте мою фабрику государству, и завтра же приказчики, рабочие, продавцы начнут объегоривать и обвешивать друг друга, а пуще всего товарища директора... Но и он не растеряется, умница, влезет в государственный карман, влезет и не поморщится!.. Почему? Потому что им будет владеть инстинкт приобретательства — святой инстинкт, который преображает нашу жизнь, делая ее прекрасной... Нет, мы еще поборемся. Клянусь! — как говорит Леня, — клянусь! Мы можем временно отступить, мы можем, наконец, переменить обличье, но уничтожить нас невозможно, ибо никаким декретом нельзя отменить самого духа нашего, который живет во всех порах, во всех щелях людских душ и сер-

дец. Я поднимаю этот бокал за нашу силу, за живучесть нашу... Как бы ни был черен сегодняшней день — за нашу неистребимость в будущем!

Взрыв восторга, крики одобрения. Замелькали бутылки, там и сям звучат тосты, льется шампанское — и все это в мелькании света, в дрожании свечей. В доме кто-то шумно заиграл на рояле. На ступеньки веранды взбегают Сви-дерский и самозабвенно вскрикивает: «К ужину прошу... к столу!» Звучит знакомый в те годы мотив, первой его подхватывает Иветта Михайловна:

«Дорога в жизни одна,
Ведет нас к смерти она...»

Все, взявшись за руки, подхватывают песню и вереницей со свечами в руках идут к дому:

«Дорога в жизни одна, дорога в жизни одна...»
«...И счастлив тот лишь, кто может
Пить ее с каждой минутой до дна».

Вереница гостей входит в дом. В саду остается Катенька, глядящая им вслед.

Катенька. Ой, господи, страшно-то как... И смешно чуть...
Будто и не люди они.

Из-за угла тихонько выходит Безенчук, прислушиваясь к тому, что происходит в доме, он осторожно идет по саду.

(Наталкиваясь на Безенчука.) А!.. Кто это?

Безенчук. Катенька!

Катенька. Роман Яковлевич... вы?

Безенчук. Катенька... Как хорошо, как замечательно, что я вас встретил...

Катенька. А вы что же ужинать не пошли?

Безенчук. Рож их видеть не могу.

Катенька. Голодный вы небось.

Безенчук. Частично. Иван кое-чем снабдил меня... Бедняга.
А сам спустился туда... в преисподнюю.

К а т е н ь к а. Вы уж его простите, ему нельзя не пойти. Муж ведь.

Б е з е н ч у к. Муж... Дурак он, а не муж. (Помолчав.) А я... Я ведь, собственно, вас ищу, Катенька.

К а т е н ь к а. Меня?

Б е з е н ч у к. Через час из Павловска уходит последний поезд... Времени у меня осталось чуть, а завтра — в Москву! Может, мы больше не увидимся...

К а т е н ь к а. Что вы, Роман Яковлевич!..

Б е з е н ч у к. Не надо, пожалуйста, прибавлять — Яковлевич. Я Роман, Ромка — и все тут. Ладно?

К а т е н ь к а. Да.

Б е з е н ч у к. Так вот, Катя, я долго думал и пришел к выводу, что должен вам сделать предложение... Исключительно деловое, конечно. Бросайте к чертям собачьим этот дом и перебирайтесь к нам — в Царицын, на строительство. Ну что вам тратить молодость на это зверье... А там работа будет знаете какая? Великолепие! И квалификацию получите настоящую...

К а т е н ь к а. Хорошо бы, конечно... (Помолчав.) А что Иван Андреевич, тоже ехать решился?

Б е з е н ч у к. Как будто. Представляете, как мы вместе жить шикарно станем?

К а т е н ь к а (оживляясь). А если я братишку из деревни выпишу... Можно его там пристроить или как?

Б е з е н ч у к. Определим и братишку. Я вас в общежитие устрою. Катенька, а по вечерам мы с вами заниматься станем — в училище готовиться заводское.

К а т е н ь к а. В кино бы ходили вместе... Втроем, конечно.

Б е з е н ч у к. Там, Катерина, цирк построят. Меня Громов клятвенно заверял... Но главное, конечно, что мы будем на передовых позициях... полностью и целиком, Катя! (Не сразу.) Значит, вы согласны? Правда? Какая ночь сегодня... Незабываемая, да? Это удивительно — не горит свет, играет музыка вдалеке... Я сидел там наверху у Ивана и читал стихи... «Послушайте! Ведь если звезды зажигают —

весь в дороге... И навсегда вместе с вами. Где бы я ни был. Навсегда.

Катенька (негромко). Ромашенька, не надо... Не говорите так. (Почти шепотом.) Я ведь другому отдана.

Безенчук (не сразу). Зачем?

Катенька. Не знаю. Так вышло. И буду ему верна — век.

Безенчук. Вы... кого-то любите?

Катенька. Очень. (Долгое молчание.) Вы меня простите.

Безенчук. За что же...

Катенька. Вы так хорошо, так замечательно говорили. Красивее, чем в театре. Я, наверное, теперь совсем-совсем другая стала, куда лучше. Из-за ваших слов.

Безенчук (с болью). Вероятно, я больше никогда не смогу сказать их.

Катенька. Сможете. Я ведь не одна на свете.

Безенчук (упрямо). Нет. Этого я не смогу повторить. Никому.

Катенька. Ромашенька... Да ведь и не было ничего между нами.

Безенчук. Это по-вашему. (Отчаянно.) А мне казалось, что я прожил с вами целую жизнь — счастливую, горестную, бесконечную!.. (Улыбнулся печально.) Так всегда со мной, напридумаю, а по правде и не было ничего. (Вспыхивая от обиды и азарта.) Ничего? Нет!.. Пусть вы не моя теперь, но разве оттого эта ночь перестанет быть прекрасной? Разве все, что я чувствовал, сейчас исчезнет?.. Нет уж, оставьте, это было бы слишком несправедливо — мы все равно не забудем эту ночь с вами... Навсегда сохраним ее в сердце, правда?

Катенька (тихо). Да, Ромашенька...

Иван (появляясь в саду). Катерина, вы здесь?

Катенька. Что с вами, Иван Андреевич?

Иван. Вас на кухне дожидается Василиса... Ступайте к ней.

Безенчук (агрессивно). Слушай, ты, что за тон дурацкий?

Иван. Замолчи, понимаешь?.. (Катеньке.) Ну, Катенька, милая... Здесь ваш брат, он ищет вас.

К а т е н ь к а. Сережка?

И в а н (в сильном волнении). Постарайтесь... Будьте, пожалуйста... Нет, не могу. (Садится на скамейку, опустив голову на руки.)

К а т е н ь к а. Где ж он? На кухне?

И в а н (не поднимая головы). Да.

К а т е н ь к а. Ой, господи... (Убегает в дом.)

Б е з е н ч у к (поднимая со скамейки Ивана). Говори.

И в а н. Отца у нее убили.

Б е з е н ч у к. Кулачье?

И в а н. Они.

Долгое молчание.

Б е з е н ч у к. Что ж ты ее одну оставил?

И в а н. Как страшно-то, Ромка, а?

Б е з е н ч у к. А ты думал.

И в а н. Когда в газете читаешь — не то. А тут...

Б е з е н ч у к. Рассуждать не время. Идем к ней.

Безенчук берет его под локоть, и они почти бегом уходят за дом. Из столовой слышен пьяный шум, выкрики, снова настойчиво звучит песня, в доме задвигались тени, свечи пришли в движение. На фоне приближающегося пения появляется Сережка, который ведет за руку Катеньку.

К а т е н ь к а (недоуменно). Да что ты?.. Куда ты меня ведешь, Сергей?

С е р е ж к а. Не место здесь — шумно очень... Отойдем в сторону, Катерина. (Уводит ее в сад.)

Сразу же за их исчезновением возникает вереница приплясывающих гостей. Предводительствуемые Дором, в неверном свете свечей, они делают круг по саду и снова уходят в дом, оставляя у скамьи Свидерского и Анну.

С в и д е р с к и й (задыхаясь от смеха). В вашего отца вселился черт... Слышите, опять всех повел вокруг дома... Он умо-рит их, клянусь! Вот канальство. Никогда так не смеялся.

А н н а.

В Петрополе прозрачном мы умрем,

Где властвует немая Прозерпина...

С в и д е р с к и й (с опаской глядит на нее). Вы много пили.

А н н а. Надо торопиться.

С в и д е р с к и й. Куда?

А н н а. К предвечному, мой бесценный.

С в и д е р с к и й. Резвишься... Мурзилочка?

А н н а. Уймись, дурак. Погляди, какая окружает нас ночь. Белая... как саван.

С в и д е р с к и й. Нда, ночь — в ней действительно есть нечто эдакое... драматическое. Точно мы на корабле, в бурю... Опять поют... Как будто судно дало течь и мы все тонем к чертовой матери.

А н н а (прислушиваясь). Вероятно, так пицат крысы, когда тонет корабль. (Резко.) А мы чем хуже? (Обнимает его.)

С в и д е р с к и й (он пугается и вдруг трезвеет). Что вы... Аннета?

А н н а. Да. Меня надо пожалеть — было, было во мне нечто человеческое... Когда-то в детстве. Может быть. Но так страшно, так страшно...

С в и д е р с к и й. Что?

А н н а. Жить без надежды.

С в и д е р с к и й. Пустяки все. (Целует ее.)

Появляется в саду И в а н. Все видит.

И в а н (нелепо воздевая руки кверху). Что вы делаете!

С в и д е р с к и й. О, черт...

А н н а. Ну, вот ты и узнал, Ваня... Вот и конец... конец.

И в а н (Свидерскому). Я убью тебя...

С в и д е р с к и й. Как это вы меня убьете? Идиотство.

А н н а (с отчаянием). Вот тебе револьвер, Иван... Стреляй в него... Сделай что-нибудь непоправимое.

С в и д е р с к и й (всплеснув руками). Кретинка.

А н н а. Стреляй.

И в а н (слезы навертываются у него на глазах). Как это — стре-

ляй?.. Вот глупость. Нас же всех отправят в милицию...
(Встает на колени.) Мама, мама... как все на водевиль по-
хоже.

А н н а. На водевиль? Ой ли!

И в а н. Вот, Петровых-то говорил... Значит, он знал, значит, все
знали. (Стоя на коленях, протягивает к ней руки.) Кто ты
такая, скажи мне, Анна... Зачем, зачем ты так?..

С в и д е р с к и й. Вероятно, я здесь лишний. (Ивану.) Бодритесь,
Улыбышев, все это такие пустяки. (Обнимает его и шепчет на ухо.) Но если ваше решение убить меня окончательное — позовите... Я буду в бильярдной... (Уходит.)

И в а н. Все нелепость... (Смотрит на Анну). Я так верил в это — в любовь, понимаешь? А оказалось — все водевиль... (Заплакал.) Чепухенция.

А н н а. Нет, не водевиль, дешево отделаться хочешь, Ваня. Еще плачь! Разве это слезы? Не таких ждала я от тебя. (Берет его руки.) Слушай, супруг мой, кроме Свидерского за те полгода, что мы женаты, были еще Юрка Стилиануди, Кира Лютов...

И в а н (в страхе смотрит на нее). Зачем... Зачем ты говоришь мне это?

А н н а (не сразу). Жалея тебя говорю, чтобы ты ужаснулся и отступил навеки, чтобы не приполз на коленях прощать меня.

Иван долго на нее смотрит, а потом в страхе закрывает глаза рукой.

(Утвердительно.) Не нравлюсь. Это понятно. (Усмехнулась.) Уезжаешь, Ваня?

И в а н. Помнишь, какой я добрый был? До смерти об этом помни. (Убегает в дом.)

А н н а. Ну вот, теперь нечего больше ждать. Доигралась... Мурзилочка...

В калитку входит очень высокий и очень худой старик, он в канотье, с тросточкой. Это — Рябов. Прислушивается к шуму, пению, нестройным выкрикам, он секунду

стоит покачиваясь, а потом медленно опускается на ступеньки и начинает, как ребенок, горько, безутешно плакать.

Рябов. Кончено.. Боже мой, все кончено...

Анна (вбегает на террасу и, открыв двери в дом, почти с торжеством кричит). Отец, Рябов приехал!..

Из дома выбегают гости, Дор, Свидерский, Петровых, Каретников, Янина, Иветта Михайловна — все со свечами в руках.

Дор (ворот его расстегнут, галстук сполз на сторону). Наконец-то! (Вдруг захохотал.) Однако... какого черта вы тут стоите на четвереньках?

Свидерский (шепотом). Он плачет.

Дор (закричал). Рябов!

Рябов (тонким голосом). Дорогой и глубокоуважаемый Николай Альбертович, согласно вынесенному сегодня решению наше предприятие ликвидируется с первого июля сего года. Все имущество, которое будет подвергнуто точной описи, надлежит передать Ленкооперации.

Долгое молчание.

Петровых. Этого следовало ожидать, Николай Альбертович.

Зажигается электричество.

Каретников. Да будет свет. Наше вам с кисточкой.

Рябов (вспыхивая). Николай Альбертович, тридцать лет рядом с вами... Куда же я денусь теперь? Я же рассчитывал, я был уверен, что за мою привязанность, за мою собачью привязанность буду вознагражден... А теперь-то как, господа!.. (Вскипая.) Что же выходит — я обманут? (Хватает Дора за пиджак.) Всего лишен?

Дор (отбрасывая его). Помолчите, идиот...

Свидерский. Постойте... Постойте... Это... это окончательное решение?

Дор (с яростью). Им не нужны эклеры и безе, дорогуша. В луч-

шем случае они наладят выпуск пряников из пшена. Правильно! По Сеньке и шапка. *(Подходит к Анне.)* Прости, что в твой день... эта история. Прости, милая.

Анна. Что? Прищемили тебе хвост... папочка? *(С отчаянием.)* Это ты, ты во всем виноват!.. Нэпман. Слово-то какое смешное... *(Смотрит с ненавистью на Дору.)* Нэпман проклятый...

Петровых *(подходит к ней).* Вы заслуживаете пощечины.

Анна. Нет. Ее мало. *(Убегает в дом.)*

Дор. Ну, теперь все равно... *(Иветте Михайловне.)* А ты когда уйдешь?

Иветта Михайловна. Я не из пугливых. Обожду.

В сад входят Безенчук и Катенька. Несколько поодаль от них останавливается Сережка.

Дор *(при виде Безенчука ярость мгновенно снова им овладевает).* И ты явился? Посмеяться надо мной пришел, бесштанная команда... Думаешь, твоя взяла?

Безенчук *(спокойно).* Катенька, говорите.

Катенька. Николай Альбертович, мне больше оставаться у вас никак нельзя... Несчастье у меня... и брат за мной приехал.

Дор. И ты бежишь?.. *(Указывая на Безенчука.)* С этим? В люди выйти торопишься? *(Наливает коньяку, протягивает рюмку Катеньке.)* Выпейте коньячку, Катюша... Отборного, эриванского. А ты фартук ее надень, Иветточка... Крошечки со стола подбери, все-все, до единой.

Безенчук. Что за гадость.

Сережка *(подбегает к Дору).* Не имеешь права издеваться... *(Ищет нужные слова.)* И у нас такие, как ты... в людей стреляют! Узнал я тебя.

Дор *(бросается к Безенчуку).* А ну, где замок ваш волшебный? *(Вырывает у него макет, бросает на землю, топчет ногами.)*

Петровых. Прекратите!.. Немедленно.

Безенчук (догадался). Прикрыли, значит, лавочку... Понятно.
Дор. Гадина...

Иветта Михайловна. Как вам не стыдно — при людях...
Что за неврастения! (Ударяет его по лицу.) Придите в себя наконец.

Каретников. Ай да барышня...

Дор. А Иван где же?... Дочь увезти хочет... (Мечется в отчаянии.) Уедет она, сейчас... с ними.

Иван (выбегает из дома с походным мешком). Уйдем, Ромка...
Уйдем отсюда, скорее!

Выстрел. Все замолкают. Возникает тишина. Только Сережка инстинктивно бросается к Безенчуку, почувствовав в нем своего друга на много-много лет.

Сережка (обнимает Безенчука). Стрельба.

Дор (словно опомнившись). Мой пистолет... Анночка!

Дор бежит к дому. На ступенях террасы его останавливает появление Нолика. Нолик молчит. Он страшен.

(Тихо.) Что там?

Нолик. Анна Николаевна посмотрела в зеркало и сказала: «Что, Мурзилочка?», потом отдала мне эту записку, подмигнула и выстрелила в себя из пистолета.

Дор. Маленькая!.. (Вбегает в дом.)

Петровых (Свидерскому). Врача, немедленно... От вас вторая дача...

Свидерский убегает в калитку. Часть гостей за Дором входит в дом.

Янина. Зачем же так... беспощадно?

Иветта Михайловна. Записку! (Берет у Нолика записку, читает.) «Эх, дай-ка я выстрелю в себя. Будь здоров, Ванечка». Боже мой... (Машинально смотрит на часы — пилюли сыплются у нее из рук. Она медленно входит в дом, поддерживаемая Каретниковым.)

Петровых (подходит к одиноко стоящему Ивану). Ступайте к ней. Почему вы стоите здесь, Улыбышев?

Иван (смотрит перед собой невидящими глазами). И вы знали... Уходите... Я, понимаешь, и вас теперь ненавижу.

Петровых. Что ж, логично. (Безенчуку.) Неосторожно жила. Чересчур неосторожно. (Входит в дом.)

В дом проходит Свидерский с врачом. В саду Катенька, Сережка, Безенчук и Иван.

Катенька. Как все случилось-то, Иван Андреевич!..

Иван (твердо). Все случилось как нужно.

Безенчук (взрываясь). Ты что — ополоумел? Так говоришь... Жалко ведь ее!

Иван (усмехнулся). Что ты знаешь... бедный. Это все игра... Видел во Владимирском клубе, у рулетки? Игра. Даже ее смерть.

Катенька. Иван Андреевич, как вы можете... Живой же человек!

Иван (усмехнулся). Разве?

Из дома выходит Каретников.

Безенчук. Жива?

Каретников. Выздоровеет. Допустила ошибку в попадании. Нетрезва была.

Иван. Видишь? Игра.

Сережка (нетерпеливо). Чего же мы стоим-то... Пошли?

Безенчук. Пошли. Скоро последний поезд... (Оглядываясь.)
Глядите, и рассвело совсем... (С внезапным волнением.)
Ну, вот она и начинается, наша знаменитая дорога... По двадцатому веку!

Сережка (любясь им). Ты не уходи... Я с тобой теперь.

Безенчук. А ты думал! Со мной, брат, не пропадешь.

Катенька (Ивану). Идемте...

Иван. Катенька... (Не сразу.) Мне кажется, я не смогу быть добрым. Никогда. Никогда.

Каретников (подшел к Сережке). Будь здоров, мельник. Живи на славу.

Сережка (указывая на Безенчука). Мы вон с ним... Постараемся.

Безенчук (Каретникову). А вам что оставаться? Пошли с нами.

Каретников. Поздно. (Задумавшись.) Я как стертая монета — буквы уже не проступают, все неясно. (Махнул им рукой.) Ну, ступайте!..

Безенчук. Идем...

Они уходят.

Каретников (один). А может быть...

Из дома появляется Янина.

Янина (подходит к Каретникову и покорно садится возле него). Все это так ужасно, Кирилл.

Каретников (почти весело). Эх, Янька, жалко мне тебя. Сидишь вся выкрашенная, добрая, стриженная, глупая... О чем-то там думаешь, что-то там считаешь... А этому всему теперь грош цена.

Занавес

1959 (редакция 1980 г.)